

Кирилл КАРАТАЕВ

СТАТЬ ЧЕЛЮ- ВЕКОМ

Кирилл Каратаев
Стать человеком

«Издание книг ком»

2019

УДК 82-3
ББК 84-44

Каратаев К. С.

Стать человеком / К. С. Каратаев — «Издание книг ком», 2019

ISBN 978-5-6041795-2-9

Он был богом. Богом, который ошибся. Которому суждено стать человеком. Он потерял свой облик, свой разум, сохранив лишь краткую память о том, кем был когда-то. Он открывает глаза и удивленно смотрит в окно на весеннюю московскую улицу. Теперь у него другое имя и другая жизнь. Жизнь, которая окружит его любовью, войной и звоном бокалов. Жизнь, которую он ненавидит. Жизнь, которой плевать на его ненависть.

УДК 82-3
ББК 84-44

ISBN 978-5-6041795-2-9

© Каратаев К. С., 2019
© Издание книг ком, 2019

Содержание

Падение	5
Ненависть	6
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Кирилл Каратаев

Стать человеком

Все нижеизложенное прошу считать не попыткой пробиться к истине, но надеждой найти альтернативу.

*В неисчислимом человечестве
Большая редкость – Человек.*

И. Северянин

Падение

Я падал. Я летел сквозь зачарованно смотрящие вслед пространства и не прощался. Просто не желал. Чего стоят мои желания? Раньше они стоили всего. Как будет теперь?

Я ошибся. Мало ли ошибок случайно случалось в холодном свете кипящих пурпуром звезд? Уж точно больше, чем было в нем пурпура. Но много ли из них понадобилось мне? Немного? Меньше? Одна! Так почему же хватило и ее?

Потому что бог ошибается лишь один раз.

И после этого он перестает быть богом. И обратной дороги уже нет. По крайней мере, ее не знал даже я. Даже я! А ведь когда-то, непрощенные мгновения назад, я знал то, что большая часть разумной и почти разумной вселенной назовут всем. Всем! Знал...

Но что теперь? А теперь все просто. Я перестал быть богом и стал... кем? Нет, пока еще не стал. Но стану. Обязательно стану. Я уже близко. Я почти упал. Я почти вижу этот забытый, брошенный предел.

Я потеряю свой облик, свой разум и обрету облик и разум неизмеримо низший. Я готов? Нет, я не готов. Я не мог быть готов, потому что нельзя быть готовым к подобному. Слишком высоко я стоял, чтобы вот так просто смириться с глубиной пропасти, в которую падал.

Но этого уже не изменить. Уже не спастись. Не спастись, но спасти малое? Клочок, горсть того, кем я был. Я попробую. Я успею. Я смогу. Ведь я был богом. Богом, который ошибся. Которому суждено стать человеком.

Ненависть

Я открыл глаза. Я? Нет, уже не я. Или еще не я? Есть ли разница? Ведь из двух зол выберешь только зло. Зло? Интересное понятие. Интересно тем, что отличается исключительной гибкостью. Впрочем, как и большинство фундаментальных понятий этого мира.

А что с миром? Да, в общем-то, ничего интересного. Обычный мир. Со своей грязью, со своим прощением. Сколько таких было, сколько еще будет. В мире стоит апрель. Апрель – это такой месяц. Месяц – это вроде секунды, только немного дольше. А секунда? Секунда – это немного короче месяца.

Меня зовут Саша. Александр. Александр Орестович Волковский. Немного писатель, немного художник, немного алкоголик. Семьи нет, желания ее заводить тоже. Мне тридцать два года, и осталось немногим больше. Стоп! Что значит немногим больше?

Ведь это миг! Меньше мига! Это то время, за которое я... Что я? Не помню. Уже не помню. Сколь многое осталось позади. Потерянное, утраченное. Мне было бы жаль, если бы я умел жалеть. Хотя теперь умею. Но стану ли жалеть о том, чего не вспомнить и не понять? Слава богу, нет.

Слава кому? Не мне. Другому. Назовем его простым человеческим богом. И ведь многие из них думают, что зачем-то нужны ему. Смешно. Богу никто не нужен. Он сам есть все, и все. Но разве понять это человеку?

А мне? Кто я теперь? Не бог. Конечно, не бог. Но ведь и не человек еще. Насколько мне еще предстоит упасть? Что потерять? А что осталось?

Память! Осталась злая, жестокая и до боли размытая память. Память о том, что ошибся. Как? Почему? Наверное, это уже не важно. А что важно? Что теперь может быть важно? Теперь, за шаг до смерти, перед непонятной, ничтожной жизнью. Где та цель, та идея, ради которой можно и нужно жить?

А ради чего я жил раньше? Уже не понять. Просто не осознать этим убогим разумом. Но ведь иного не дано. Значит, попробуем. Попытаемся. Встанем, а может, и воспарим. Глупость. Что ж, значит, глупость. Не так и мало. На это я хотя бы способен.

Я встал с потрепанного дивана, сделал пару осторожных шагов и бегло осмотрелся. Знал я эту квартиру, знал. Знал, что в ней стоит. Знал, где. Но одно дело – знать, а другое – вот так... увидеть, почувствовать, ощутить. Ощутить всем своим непривычным, нескладным телом.

Диван. Разумеется, все тот же. Возле дивана широкий стол. На столе ноутбук, телефон, книги, бутылка неплохого виски. Точнее, полбутылки. Напротив шкаф и еще шкаф. Один для одежды. Один книжный. В другой комнате краски, мольберты и разорившая меня в свое время напольная акустика. В целом все. Комнаты кончились.

Я прошел в ванную и посмотрел в простое квадратное зеркало. Да... Хорош! Впрочем, по здешним меркам я действительно был ничего. Высокий, с относительно развитой мускулатурой, относительно правильными чертами лица. Темные прищуренные глаза могли бы придавать загадочный вид, если бы не были такими усталыми. Темные же волосы некрасиво взлохмачены. На неделю небритой щеке невыразительный шрам. Всем говорю, что порезали в драке. На самом деле сам проткнул вилкой, когда был пьян и взволнован.

Я вышел из ванной и замер на пороге своей импровизированной мастерской. На мольберте одиноко скучала недописанная картина. Дрянь дрянью, судя по дебюту. Я вообще был откровенно посредственным художником. И картины мои иногда продавались только из жалости.

С литературой было лучше. Писать я почти умел и даже был наделен ускользающей крохой таланта. И, что гораздо важнее, относительным финансовым успехом. Причем порой очень относительным.

И что? И все? Нет, еще, конечно, были разного рода переживания юности, приключения молодости и тяжелые удары неумолимо наступающей зрелости. Но вот чего-то серьезного, определяющего... Нет, ничего.

Детей не было. Родители умерли. Не так давно, чтобы забыть, но достаточно, чтобы перестать скорбеть. И даже вездесущая любовь так и не нашла меня в вожделем темноте.

А еще почти не было удовольствия, которое, казалось бы, должно дарить творчество. А почему? А потому, что давно уже не писал для затертой в кровь души. Писал для толпы, для издателя, для грешных денег. Меня устраивало? Устраивало, но всегда что-то давило и резало одинокими лунными ночами. Потому и пил. Пью и буду пить. Хотя как раз теперь возможны варианты.

Вот он – человек, которым я стал. Ты доволен, бог? Ну вот... первый идиотский вопрос. Бог не может быть доволен или недоволен. Лишь человек или ему подобный способен находиться в двух, трех или более состояниях. Добро и зло, веселье и печаль, черное и белое. Суета. Какая страшная, невыносимая суета. Бог всегда един. В своей воле и в своем выборе.

Ну а как быть со мной? С упавшим богом, восстающим человеком? Куда мне идти? Ведь мне нужно хоть что-то! Просто, чтобы все еще желать жизни. Даже такой. А там посмотрим, на что еще способен бывший бог. А заодно убедимся в том, на что он не способен.

Ну так что? Я ненавижу этот мир? Да! Без сомнения.

Раздался телефонный звонок. Громкий, назойливый и до омерзения неуместный. Звонок, который должен был открыть передо мной новую эру. Эру, в которой я вступал в контакт с другим существом. Понравится ли мне это? Вряд ли. Сделаю ли я это? Да. Определенно, да. Почему? Потому что кончилось то время, когда лишь я решал что, когда, где и сколько.

Я медленно взял телефон и нажал на прием. На том конце молчали. Я ответил тем же. Мой потенциальный собеседник не выдержал первым. А вернее, первой.

– Александр? Александр, это Ирина. Ну куда вы опять пропали? – мягкий женский голос с легкими нотками раздражения.

Она ждала, но не могла дожждаться ответа. И это не потому, что я не знал, что сказать. Десятки остроумных, затейливых и совершенно банальных фраз были готовы сорваться с моих губ. Но не срывались, не смея прервать вечное, нескончаемое молчание бога. Бывшего! Запомни это! Бывшего...

Я знал эту женщину. Ирина – мой агент. Приятная внешность, профессионализм и невероятное терпение. Пожалуй, только с таким агентом я и мог работать.

– Александр? – раздражение становилось все более явным. – Только не говорите, что искали вдохновения. Вы его не можете найти весь последний год.

– Хорошо, – я словно поднял небо.

– Что – хорошо?

– Ни слова про вдохновение.

– Ладно, – Ирина тяжело вздохнула. – Как дела с книгой?

– Все в порядке.

– Опять врете?

– Нет.

– Значит, к концу недели будет готова?

– Да.

– Дорого бы я отдала за то, чтобы это оказалось правдой.

– Значит, пусть будет дорого.

– Странный вы сегодня какой-то, Александр, – Ирина недоуменно усмехнулась. – Я перезвоню в пятницу. Надеюсь, в этот раз вы меня не разочаруете.

– До свидания, – я с облегчением повесил трубку.

Ну вот, еще один гигантский шаг на пути к человеку. Пожалуй, самый главный из тех, что мне суждено сделать. Моя первая социальная связь. Краткая, ломкая, до конца не понятная, но насколько же тяжелая. Как тяжело было окончательно и бесповоротно признать, что я – кто угодно, но не бог. Мне остались только это усталое тело и еще более усталые заботы.

Женщина что-то говорила о книге. О том, что она должна быть уже готова. А она готова? Чуть больше чем наполовину. Но я успею ее закончить? Нет, конечно, нет. Тем более что это скучная книга. Она о той нескончаемой грязи, что безудержно льется из прекрасных, чарующих, пленяющих, бездонных глаз. Примитив, достойный трех пьяных енотов.

Я вдруг понял, что хочу есть. И это было настолько дико и чуждо. Насколько унижительно. Насколько по-человечески. Наверное, мне еще долго предстоит ужасаться подобным обыденным вещам. И что я буду есть? В моем погруженном в сонливую тьму холодильнике найдется разве что пара разочарований.

А это значит, что мне нужно идти в магазин. Новый подвиг для упавшего бога. Его величайший подвиг. С пугающей отрешенностью я оделся и медленно открыл входную дверь. Там, за дверью, бился, дрался, сторал и восстаивал из развеянного пепла мир людей. Готов ли он принять того, кто недавно не тратил на него даже своего равнодушия? Готов ли я сменить свою болезненную ненависть на что-то иное? Нам еще предстоит все это решить. Ну а начнем с малого.

Я спустился по лестнице и вышел из подъезда. На улице завлекательно пахло первой весенней свежестью. Грязный, побитый утренним дождем снег стыдливо забирался под облезлые лавки и печально смотрел оттуда на нагло ухмыляющееся солнце. Беззаботная атональность птичьих трелей могла бы вызвать восторг в юном, хотя и уже наверняка разбитом сердце. Пенилось и кружило стремительное веселье акробатов-ручейков.

Наверное, все это действительно было красиво. Но я не видел, не слышал и не чувствовал этой красоты. Я, не жалея проклинающих меня глаз, смотрел на невзрачного, сонного мужика, стоящего в нескольких метрах от меня. Он с видимым удовольствием прикладывался к бутылке с пивом и блаженно шурился, подставляя грубое лицо бескорыстным ласкам солнечных лучей.

Это был человек. Тот, кем должен был стать я. Деревянными шагами я прошел мимо, не смея повернуть голову. Нет, я не боялся. Я просто не мог осознать, что все это реально. Что это не одна из тех блаженных грез, которые я позволял себе после... Интересно после чего? Ведь действительно интересно. Но ты можешь зашвырнуть свой интерес к далеким звездам. У тебя уже не осталось на него прав.

Зато появилось право рассеянно шагать по мокрому асфальту и изо всех сил сдерживать себя, чтобы не сорваться на позорный, отчаянный бег. Бег, который бы меня ни к чему не приблизил и ни от чего не отдалил. Тот самый вялый человеческий бег.

До магазина было десять минут неторопливой ходьбы. Я шел по широкой улице, стараясь поменьше смотреть по сторонам. Он был тяжел, этот мир. Слишком много жизни. Бессмысленной, случайной жизни. Той, о которой не вспомнят и вспомнить не захотят.

Но ей было плевать. Плевать на память и на сомнения. Она торжествовала. Она куражилась. Она пиновала и уже давно была невыносимо пьяна. И, как любого пьяного, ее было не переубедить. Да и кому? Другой жизни? Другой здесь не было и быть не могло. А если когда-то и была, то она очень быстро захлебнулась этим густым, горьким вином.

– Смотрите, куда идете!

Рассерженный голос вырвал меня из тенет раздумий. Полная барышня с недовольным взглядом водянистых глаз стремительно пронеслась мимо меня, мстительно задев отнюдь не женским плечом. Она не ждала ответа. Извинений, оправданий, возражений. Все это ей было не нужно. Она просто хотела, чтобы ее заметили, чтобы с ней считались. Что ж, в этом мире каждому хватит внимания. Того или иного.

Между тем невольный совет был не лишен саркастического смысла. И я заставил себя смотреть. Смотреть на этот обычный человеческий мир. На его обычных обитателей, на их обычные заботы. Как много здесь было одинаковых разумов. С одинаковыми целями и разочарованиями. Но при этом каждый из них считал себя первым, главным, единственно важным. В этом, кстати, и была главная разница между человеком и богом. Человек считал, а бог был.

По сути, все они здесь были непримиримые эгоцентрики, объединенные в один огромный социум. Они не могли друг без друга. Но при этом считались только с собой. В этом был парадокс. А в парадоксе в свою очередь шанс, что не все еще потеряно. Ни для них и, быть может, ни для меня.

Прозрачные двери магазина бесшумно раздвинулись в стороны, пропуская меня внутрь. Я с аккуратностью новичка взял тележку и устремился к отделу полуфабрикатов. Гурманом я, по всей видимости, не был. Пельмени, котлеты, чебуреки. Все они имели спорный вкус и еще более спорный состав. Однако данное обстоятельство отнюдь не мешало мне поглощать их с изрядной периодичностью. По-моему, у данной ситуации существует какое-то удачное название. Ах да, компромисс.

Компромисс был основным решением всех проблем этого мира. Причем решением достаточно логичным и до определенной степени изящным. И даже у меня не нашлось к нему особых претензий.

Помимо пельменей, я взял хлеба, сыра, десяток яиц и пару бутылок пива. Со всем этим я подошел к кассе, перед которой уже собралась небольшая очередь. Я встал за заурядного вида дамой с тележкой разнокалиберных продуктов. Дама отрешенно разглядывала лотки с конфетами и батарейками.

А с чего я собственно взял, что ее вид зауряден? Потому, что я так увидел. Интересно, я абсолютно субъективен, но также и абсолютно уверен в своей субъективной оценке. И это значит, что если раньше у меня была лишь одна истина, то теперь таких истин будет по числу живущих на этой планете, и на подавляющее большинство из них мне будет совершенно плевать. Хотя верной может оказаться каждая. Действительно верной. Но здесь она не нужна. Здесь нужна только своя собственная. Безумный, бессмысленный мир!

– Семьсот сорок два рубля, – раздался усталый, отшлифованный голос.

Я молча расплатился и, погрузив свои покупки в бесцветные, уродливые пакеты, вышел на улицу. Оставалось добраться до дома и приготовить себе нехитрую трапезу. И я одновременно желал и не желал этого. Желал, так как действительно был очень голоден, а не желал, потому что все это казалось мне скучным, глупым и недостойным. Впрочем, мне все здесь казалось именно таким, но это был недостаточный повод сразу же отказываться от предложенного существования. Компромисс? Я поморщился. Не слишком ли быстро я учусь быть человеком?

Я без особого аппетита доедал безвкусные остатки желанного обеда и думал об этих странных людях. О том, что человеку стать богом было бы еще сложнее, чем богу – человеком. И это не потому, что падать легче, чем взбираться. Просто не сможет человек быть один. Один и всегда.

Первая прогулка оставила гнетущее впечатление. Это был чужой мир. Чужой не своими грубыми формами, резкими звуками и невидимой целью. Чужой самой сутью, тому, кем я был и кого не мог забыть, несмотря ни на что. Кого не хотел забывать. Этот мир был, как паутина, где каждый являлся пауком и мухой одновременно. Плел, запутывался и запутывал других.

Каждый жест, каждая фраза и, осмелюсь предположить, каждая мысль безжалостно делились надвое. Часть – себе, а часть – им – всем тем, кто так близко или очень далеко. Людям. Таким же, как ты. Таким похожим. Они отдают и забирают. Им это нужно – отдавать и забирать. А мне? Мне никогда ничего не было нужно. Мне нечего было отдать и незачем брать себе. Как будет теперь?

Бесцельно блуждающий взгляд упал на ноутбук. Книга! Я должен ее закончить к субботе. У меня не было на это ни желания, ни возможности. У меня – это у Сашки Волковского. А у меня – у бывшего бога? Вот вопрос.

Я включил компьютер и раскрыл файл с книгой. У нее оказалось довольно пошлое название – «Дай мне уйти». Это был роман о любви. В безвкусной аннотации я тщательно подчеркивал этот тезис. Не любовный роман, а роман о любви. Любовь! Классическая. Воспетая. Интересное, до предела эгоистичное состояние. Состояние высшей социальной связи. Это, конечно, в идеале, свойственном дешевой беллетристике. На практике все выглядело более прозаичным, хотя и не лишенным определенной доли очарования.

И, конечно, моя любовь была трагична. Конечно! Вечный приоритет поэтичного страдания над скучной безмятежностью. Редко кто порадуется счастью, но все всегда восхитится роковой печалью. А что бы вы выбрали для себя? Правильно, – безмятежность. А что бы я для себя выбрал? И снова – безмятежность. Как, оказывается, похожи люди и бывшие боги. Вот только я вряд ли стану восторгаться даже самой рыдающей драмой. К тому же я вроде бы не сентиментален. Нет? Ну, хоть на этом спасибо.

И все же книга была о любви, а любовь была печальна, как последний осенний листопад, когда от бушующего водопада янтаря, багрянца и золота остается лишь пара невзрачных иссыхающих ручейков, словно робкие дорожки слез заточенного в ледяных чертогах лета.

Я писал то, что они читали. Что они желали читать. Я мог бы сказать – любили, но любить читать о любви... это звучало, как пьяный романс бродячих котов. Я писал. Но что я буду писать теперь? То, что хотят они, или то, что хочу я? Для человека это был не такой сложный вопрос. Ответ на него часто будет полон истерик, жертв и ложных обещаний. Но, так или иначе, он будет.

А теперь я задам этот вопрос себе. И где ответ? Я посмотрю в окно, под стол и вглубь недопитой бутылки, но не найду его. Странно? Отнюдь. Я ведь просто не знаю, как это – делать то, что хотят другие? А если добавить немного искренности, то и знать не хочу. Но, верно, узнать все же придется. И лучше, чтобы это было осознанно и до предела обдуманно. Итак? Ответ? Нет, пока нет.

Я дам ответ позже, а пока постараюсь просто закончить эту глупую книгу. Быть может, закончившись, она перестанет быть глупой? Это было бы превосходно, ибо я никогда не знал глупости и сейчас совсем не был рад знакомству. Да, для меня она непременно перестанет быть глупой, а для них? А о них пока придется забыть. Какая чудесная прихоть! Забыть! Хоть на время забыть о них и вспомнить про себя. И если не про то, кем я был, то уж точно про то, кем я мог бы быть.

Мои герои. Он – рассеянный, флегматичный ресторатор с припадками неконтролируемой ярости. Она – жесткая, своенравная журналистка с четким планом на жизнь. Они любят и ненавидят друг друга, расставаясь и вновь сплетаясь душными московскими ночами.

Я остановился на довольно интригующем месте. В тот момент, когда он наконец делает ей предложение. Ситуация осложняется тем, что он изрядно пьян.

Слово за героиней. Осталось придумать ей изящную фразу.

Что она может сказать? Что может сказать эта холодная, рассудительная женщина своему пьяному любовнику в ответ на столь сакральный вопрос? Я не знаю. И в целом это хорошо, но проблемы, увы, не решает. Ну так что? Да? Нет? Поговорим завтра? Скучно. Даже я это понимаю. Промолчит? Нет, она не промолчит. Она ответит, так, как ответил бы я. Ответит не ему, ответит себе.

Она ответит: «Хорошо, если ты уйдешь». А он улыбнется, потому что услышит лишь начало, но не конец. А утром вспомнит. Позвонит и спросит снова. А она повторит.

И чем это интересней простого «да» или «нет»? Интересней тем, что эти слова что-то значат только для нее, но не для него. Хотя, казалось бы, такая пропитанная дуализмом фраза.

Парадокс? Парадокс. Похоже, я становлюсь страстным любителем парадоксов. Да я и сам тот еще парадокс. Но это ли повод для гордости?

А дальше? А дальше – проще. Ведь я пишу, как хочу сам, а значит, это будет легко. Раньше у меня все было легко. Будем стремиться к этому и теперь.

Я писал о любви. О том, чего никогда не знал, не чувствовал и не желал чувствовать. Писал со снисходительной злостью к этим смешным существам, не вспоминая, что сам стал одним из них. Я писал о страсти, не зная, что такое страсть. О печали, – не ведая, что такое печаль. Об одиночестве, – не представляя, что такое одиночество, ибо я никогда не был одинок. Я просто был один.

Я долго писал. Мне не нужно было думать о сюжете, о хитрых поворотах, о тонкостях диалогов.

Я писал о себе. Я был в каждой фразе этой банальной истории. Я был им, был ей, был городом, ветром, случайными встречными. Я был миром. Тем, кем был когда-то. И этот мир не был плох или хорош. Тоже, как когда-то.

Пальцы замерли на клавиатуре. Я поднял голову и посмотрел в окно. В городе наступила ночь. Я любил ночь? Конечно. А день? И день любил. Я, вообще, достаточно любвеобилен по отношению ко времени суток. Но все же ночь я любил немного больше. Почему? Потому что ночью ты можешь остаться почти один. Ночь заставляет не видеть. Заставляет мечтать.

В странной задумчивости я встал, захлопнул ноутбук, вышел из квартиры и двинулся вдоль притихшей улицы. Притихшей, но отнюдь не замолчавшей. Наверное, в этом мире было много таких, как я, – любивших ночь. Возводивших свою любовь в ранг таинства. Стараясь скрыться, убежать от всеблагого уравниателя-света в объятия вечной грешницы ночи. Вечно твоей грешницы.

Вот ведь тоска! Неужели я романтик? Похоже, что да. Это плохо? Не плохо, скорее, вредно. Помогает развитию опасных иллюзий.

– Огнем не богат, браток?

Я поднял глаза. На меня вопросительно смотрел крепкий, полупьяный парень с незажженной сигаретой в зубах. Я автоматически достал из кармана свою старую Зиппо и подарил ему возможность затянуться порцией бракованного никотина. Сам я сигареты не курил принципиально.

– Благодарю.

Он неторопливо пошел дальше, а я перевел взгляд на ближайшее задание. Как ни странно, оно было мне до боли знакомо. Хотя, почему странно? Странно было бы, если б я не знал, что творится на моей улице.

Это был клуб, в который я часто заходил. Когда? Правильно, – по ночам. Он, собственно, так и назывался – ночной. «Ночной портье». Претенциозное название слабо отражало довольно примитивную суть. И все же я сюда приходил. Почему? Потому что я человек и мне свойственно все примитивное.

Я открыл тяжелые двери, кивнул знакомому охраннику и меланхолично нырнул в полумрак. Танцпол, бар, ненадежного вида столики. Куда мне? В бар, конечно, в бар! Сейчас я сяду на высокий стул, а симпатичная барменша с короткой рок-н-рольной стрижкой с улыбкой поставит передо мной дежурный бокал виски. Он как будто ждал меня все это время. Это будет встреча старых, верных друзей.

И я буду пить виски, флиртовать с барменшей, смотреть на танцующих и скучающих девушек. Потом подойду к одной из них, угощу коктейлем с жутким названием и стану активно строить планы на вечер. С половинной вероятностью эти планы мне удастся реализовать. Я отведу ее домой, ночь окрасится алым светом возбужденных глаз, и я буду жадно целовать согласные на все губы.

А утром, пока она спит, стану пить кофе и безуспешно отгонять сидящую визави печаль. Потому что вчера был еще один пустой день. И хуже того, – пустая ночь. А ведь я так старался сделать ее как можно более полной. Значит, плохо старался? Или я просто слишком многого хочу? Одно из двух. Или одно из тридцати. Неважно. Мне опять не угадать.

Я замер, не дойдя до барной стойки нескольких шагов. Барменша Лика удивленно выгнула бровь, а я отрешенно размышлял, зачем я раз за разом делаю то, о чем впоследствии, нет, не жалею, но хочу жалеть? И почему – я? Не я. Мы! Мы все. Весь этот кружащий в объятиях сладостного безумия мир.

Так что же, – развернуться и уйти? Это когда виски уже налит, а взгляд зацепился за чьи-то стройные ноги. Как-то истерично, недостойно мужчины. Да, истерично, недостойно, но мудро. Легкий выбор для бога. А для человека? Еще легче!

– Привет!

– Привет! – Лика весело сверкнула перекрашенными глазками. – Давно не заходил.

– Работал.

– А теперь отдохни!

Девушка засмеялась и пошла делать коктейли для пары скучающих у стойки барышень. Я посмотрел на поджидающий меня бокал. Виски. Сколько приятных воспоминаний с ним связано. Совсем чуть меньше, чем неприятных.

Я пил и смотрел на сверкающий яркими огнями танцпол. На нем под полную грубых ритмов музыку нелепо двигались десятки самоуверенных тел. Простое выражение простых эмоций. Своеобразная демонстрация преимущества жеста над словом. Ведь, когда говорят, кому-то приходится слушать. А когда танцуют... нравится – смотри, не нравится – отвернись.

Я смотрел. Во-первых, отворачиваться мне было решительно некуда. А, во-вторых, человек внутри (или, вернее, вокруг) меня с пристрастием оценивал местных красавиц.

Интересная вещь – красота. И особенно красота женщины. Неочевидный эталон очевидных пропорций. Но ведь не только. Ведь знаю, ведь уверен, что не только. Ну же, бывший бог! Чем еще может быть красива человеческая женщина, кроме очевидного? Не знаешь? Не знаю. А тот, кто теперь и есть я? Он тоже не разгадал эту загадку.

Я не любил загадки. Сейчас. А раньше просто не знал. Так что оставим и эту на волю случая. И еще виски. Неужели мне понравилось? Но разве это не новое падение? Что в итоге? Туман вместо разума. Ломаная экспрессия вместо логики. Глупость вместо поступка.

Падение. Но желанное. Почему? Потому что там, внизу, все легче, проще и правильней. Вот именно, – правильней! В этом основа. Апогей эгоцентризма, отсутствие сомнений в словах и жестах. Коварная возможность не делить себя с миром.

Это мне нравится. Это должно мне нравиться. Это будет роднить меня с тем, кем я был. Хотя, нет, – не роднить. Просто делать похожим. Похожим, как чистокровный ахалтекинец похож на дохлого осла.

Я залпом допил второй бокал и с возрастающим интересом приготовился к randevu с третьим. Но я отвлекся. От чего? Ах, да! От женской красоты.

Из прыгающей толпы вылетела миловидная блондинка в обтягивающем платье крикливого цвета с небольшим декольте. В моем вкусе? Без сомнения. После второго бокала виски в моем вкусе было любое разумное декольте.

Блондинка подскочила к бару и возбужденным голосом потребовала предоставить в ее распоряжение что-то чисто женское, чего я не пожелал бы и наиболее недостойному из моих врагов.

– Красивое платье!

– Что?!

Пустота. В голосе, во взгляде. Нет, голос веселый, взгляд озорной. Но все равно. Пустота. Это нормально. Так и должно быть. Думать будем потом, когда все закончится.

– Чудесные туфли!

В голубых глазах появились нотки запланированного интереса. Неужели попал с первого раза. Надо отметить, что в моем случае это вроде как редкость. В первый раз меня обычно либо игнорируют, либо посылают.

Я не запомнил нашу глупую беседу. Мои дурацкие комплименты, ее неестественный смех. Я отошел и из далекого, темного угла смотрел на то, как падал. Интересно, что падал я в абсолютной уверенности, что воспаряю.

Я пил виски, смотрел на смеющуюся женщину и понимал, что мне должно быть хорошо. Должно быть хорошо по всем законам, канонам и обычаям. Но хорошо мне не было. Было тревожно. Медленно, неумело я начинал бояться этого мира, где так легко заменить свою волю на волю иных. Волю инстинктов, желаний, порывов. Но чего я ждал? Верного пути? Второго шанса? Так не бывает, и быть не должно. Да и тому, кто ошибся один раз, уже не стоит бояться ошибиться вновь.

Через несколько часов мы вышли из клуба. До моего дома было не больше четверти часа, но шли мы почти сорок минут. Тоже своего рода традиция. Не спешить к предрешенному финалу. Причем как к печальному, так и к радостному. Конец дороги всегда предрекает новую дорогу. Но что она принесет? Так ли уж мы хотим это знать?

Я открыл дверь и пропустил девушку (ее звали Катя) внутрь квартиры. Она скинула туфли, сбросила легкую куртку и замерла на пороге моей мастерской.

– Ты художник?

– Временами.

– Напиши меня!

– Давай позже.

– А почему не сейчас?

– Потому, что сейчас я не художник. Скорее, скульптор.

Для меня наставал сложный, но необходимый этап максимальной близости с иным существом. При этом сама процедура представлялась не слишком сложной. Тем более, насколько я понимал, она должна оказаться вполне приятной. И все же я знал, что для меня это будет крайне тяжело. Ибо никто и никогда не мог быть близок богу.

Однако опыт человеческого тела дарил мне шанс обойтись относительно умеренным дискомфортом. Я постарался сделать вдохновенное лицо и поцеловал свою случайную гостью, увлекая ее на диван. Уже через пару минут наметился несомненный плюс моего настоящего времяпрепровождения. А именно, минимум вербальной активности.

Это было важно. Банальная беседа тяготила меня, подобно аркану на шее. Никогда, даже в самых диких грезах, я не мог предположить, что меня о чем-то посмеют спросить, а я унижусь до ответа. Раньше это было просто невозможно, но сейчас стало обязательно. Слушать поток унылых фраз и стараться выдавать в ответ что-то свое не менее унылое. Поистине, страшный удел быть человеком.

Хотя Катю все это не слишком тревожило. Она была пьяна, весела и полна самых многообещающих ожиданий. Ровно такой, каким сейчас должен быть и я. А я был? Нет. И я бы мог сказать – увы, если б придавал этому хоть какое-то значение.

Алгоритм плотской любви я знал досконально, так что минут через десять Катя нескромно стонала под моим отбивающим терции телом. А я, вместо того чтобы наслаждаться вместе с ней, отрешенно анализировал. Нет, внешне я пылал от страсти и желания. Но вот внутри вновь наваливалась беспощадная скука.

Александр Волковский брал от этой ночи все, а я не получал ничего. Честно? Честно. Гораздо честнее, чем обратное. Это все же его мир, не мой. Пока не мой? Нет. Просто. Не мой.

Часа через два девушка уснула, шепча мне в уши какую-то ласковую ерунду. Я что-то шептал в ответ, а потом долго лежал с открытыми глазами, глядя в черный потолок. Теперь

следовало заснуть, чтобы набраться сил на новый идиотский день. Но спать я не хотел. И уже заранее проклинал этот, к сожалению, необходимый процесс, обрекающий меня на муки бессознательного. Что может быть хуже, чем валяться, как мешок с навозом, рассматривая цепочку невозможного бреда, который забудется через пару секунд после того, как откроешь глаза. По здравым рассуждениям – много чего. И предполагаю, что большую часть из этого мне еще предстоит испытать.

Когда я проснулся, то с содроганием вспомнил ускользающий сон и сразу же поднялся на ноги. Начинался второй день моей новой ужасающей жизни. Что принесет он? Скорее всего, ничего. Насколько я мог судить, так здесь случалось с большинством дней, и я в полной мере мог рассчитывать и на этот.

Катя спала, зарывшись безмятежным лицом в подушку. Опасаясь возможных осложнений, я не стал ее будить, оделся и вышел на кухню.

Я заварил себе кофе, сел, сделал жадный глоток и стал логично и обоснованно ненавидеть этот мир. Мир, в котором мы делаем то, о чем хотим жалеть. Но не жалею. Почему? А что тогда у нас останется?

– Ты рано встал, – полуодетая девушка тихо вошла на кухню.

– Не люблю спать.

– А что еще не любишь?

– Всего понемногу.

Катя села рядом и не без интереса заглянула мне в глаза.

– Странный ты. Тебе как будто скучно вчера было. Вроде все нормально, а потом смотришь, – у тебя взгляд неживой. У тебя случилось что-то?

– У меня? – интересно задам ли я когда-нибудь более тупой вопрос? – У меня все в порядке.

Здесь ценят порядок. Ценят лишь потому, что не в силах управлять хаосом. Раньше я был в силах. И отлично помнил, насколько порой хаос изящнее и глубже любой упорядоченной структуры. Это потому, что он всегда дарит новое знание. Вот только чтобы его увидеть, нужно быть богом.

– Ясно, – девушка пожала плечами. – Угостишь кофе?

– Конечно.

Катя пила кофе и разглядывала мое безучастное лицо. На пухлых губах мелькала понимающая усмешка. Видимо, чувствовала, что один из нас здесь лишний. Возможно, даже догадывалась кто. Мне показалось, что я успел значительно постареть за то время, что она пила кофе. Но вот вышло и оно.

– Ну, я пойду?

У нее был грустный взгляд. Она, несмотря ни на что, ждала, что я предложу остаться. По всем правилам, я должен был ощущать себя сволочью. Но, учитывая, что от прошлой ночи удовольствие получила она одна, это представлялось несколько неоправданным.

– Я провожу.

Прощальный поцелуй был краток и холоден. Здесь не очень любят прощаться. Уходить – да. Уходить порой обожают, но вот прощаться. Это совсем иное. Это подразумевает, что придется обосновать свой уход, а с этим всегда бывают какие-то сложности.

Девушка ушла, оставляя меня один на один с новым кошмарным человеческим днем. Чем же мне скрасить его неровное дыхание? Как выдержать его мутный, окосевший взгляд? Никак? Пожалуй. Отныне я в тюрьме. Тюрьме, где стены и прутья состоят из людей. И тюрьмы крепче вселенная еще не знала. А самое страшное, что за пределами этой тюрьмы бесцельность.

В диком (для смеха можно сказать – нечеловеческом) усилии я мысленно пронзил отчаяние и тревогу. Потом сел, открыл ноутбук и принялся за работу. Это я хотя бы умел.

Был самый разгар миттельшпиля. Герои в разлуке. Герои в поиске. В поиске друг друга. Не на улицах, но в сердцах. И да, они снова встретятся. Но эту встречу еще надо заслужить им обоим. Им надо заплатить за эту небесную милость. Что ж, пусть платят.

Его выгонят с работы за пьянство и несдержанность. Он станет бродить от стакана к стакану, от постели к постели. Ему не будет места в этом городе. Но самое главное – ему не будет места внутри себя. Ведь он уже не видит себя без нее. Он слишком много поставил на эту карту, чтобы теперь пробовать отыграться.

А она? Она убивает себя работой. Дымом ночных сигарет застилает режущие воспоминания о его руках, глазах, клятвах. Она жаждет стереть их навсегда. Получится? Нет! С чего бы? Или она не женщина, чтобы вечно желать давно ушедшее? Ей не убежать от прошлогоднего горького счастья.

Вот она – обратная сторона социума. Тяжесть разрыва социальной связи. Тяжесть, прямо пропорциональная крепости этой связи. Сколько любви, смысла, веры вкладывают в другого человека. Не думая о том, что все это в итоге будет потеряно. Не оставляя резервов и путей отхода. А позже теряют вдвойне. И его, и себя. Впрочем, себя, как правило, на время. С другой стороны, время в этом мире – первая ценность.

День прошел, как и должен был пройти. Скучно, глупо, быстро. В этот день я никуда не ходил и ничего не хотел. Я не знал, чего мне хотеть. Хотеть как человеку. Любое желание казалось позором, карой, унижением. Я даже пить не хотел, понимая, что это лишь разогреет страсть человека, которого я ненавидел.

На следующее утро я снова пил невкусный кофе и ел неумело приготовленную яичницу. Обреченность не отступила, но извергла из себя несколько контраргументов. Вряд ли было верно судить этот мир исходя из пары прожитых дней. Нет, концепция, в любом случае, останется неизменной. Но оставалась относительная возможность того, что я успею дожить до момента, когда закоулки человечества извергнут из себя какое-то подобие смысла. Оставалось ждать. И жить. К сожалению, одно без другого никак.

Так что снова за свою странную работу. Ну что, мои усталые герои. Еще один акт нашей затянувшейся драмы. Вы готовы? Хорошо, что хоть кто-то готов.

Им было тяжело, но они вновь нашли друг друга. Нашли для того, чтобы разочароваться. Чтобы посмотреть в желанные глаза и увидеть там тревогу. Тревогу за свою гибнущую любовь. Им придется посмотреть еще раз. Посмотреть и решить, когда именно стоит уйти. Как по мне, так прямо сейчас. Но, если я не ошибаюсь, необходимо исписать еще несколько десятков страниц. Так что ждем! Нетерпеливо ждем, когда, я смогу наконец завершить ваши душевные скитания.

Телефонный звонок раздался в тот момент, когда я почти закончил погружать своих подопечных в бездну отчаяния. Падать больше было некуда. Оставалось восходить. Не слишком высоко, но и не без надежды.

Звонил Безладов. Владимир Викторович. Талантливый, признанный публикой и критиками писатель. То есть не чета мне, легковесу. Для меня он был наполовину друг, наполовину конкурент. Это я считал его конкурентом. Он меня вряд ли. Безладов звонил, когда ему требовалась моральная поддержка. Случалось это редко, но случалось. И я никогда не отказывал, так как это означало, что удастся выпить очень хорошего алкоголя.

– Здорово, Саня! – мэтр был, как всегда, добродушен. – Как сам?

– Привет, Володя! – я очень старался, чтобы мой голос звучал естественно. – Сам по-разному.

– Опять строчишь очередное слюнявое?

– Строчу. А ты что-то хотел?

– А как же! – Безладов рассмеялся. – Или ты думал, что мне, правда, интересно как у тебя дела? Не дожدهшься! Тут намечается одно мероприятие. Так я бы совсем не хотел присутствовать там в беспросветном духовном одиночестве.

– Мне книгу надо закончить к концу недели.

– Успеешь! Ты же талантище! Решайся!

Решаться? Или не решаться? Вероятно, все же решусь. Почему? Потому что надо учиться. Зачем? Затем, что, может, я чего-то не понял? Ведь правда? Не может же быть все именно так? Или может? Тогда нужно ли мне новое подтверждение? Конечно, нужно! Я хотя бы больше не буду сомневаться. Если может быть хуже, чем сейчас, то мне стоит это узнать.

– Что за мероприятие?

– Тебе понравится.

– Когда?

– Я заеду часа через три. Одень что-нибудь приличное.

– Если найду.

– И не напивайся до моего приезда!

Владимир повесил трубку, а я тяжело вздохнул. Похоже, совсем скоро я попаду в то, что называют обществом. И совсем не важно, какую ступень в социуме будут занимать составляющие его люди. Важно, что они будут вокруг меня, а я буду среди них. Стану уже не потенциальным, но вполне реальным субъектом социума.

Трех часов явно не хватило для того, чтобы я чувствовал себя, так как должен был чувствовать. Саркастическое нетерпение заменил собой далекий, злой страх. Страх этого мира, этих невозможных существ. Но прежде – страх самого себя, как части мира, части жадного, не прощающего социума. Я все еще боялся, когда раздался долгожданно-ненавистный звонок.

Безладов вломился, как к себе домой. Веселый, бодрый, крепкий. Ему было лет сорок. И это те сорок, в которые выглядишь лучше, чем в двадцать. Легкая, благородная седина, орлиный взгляд и тугой кошелек делали его неотразимым для определенных слоев населения. Стыдно признаться, но лет через десять я хотел стать похожим на него. В смысле, раньше хотел.

– Готов? – Владимир быстро пожал мою руку и окинул оценивающим взглядом. – Готов, – удовлетворенно заключил он. – Пошли.

– Далеко?

– До такси, – Безладов довольно засмеялся.

– Может, хоть намекнешь.

– Будет весело.

– С этого все и начинается.

Мы сели в такси и не спеша поехали в сторону центра. По дороге Владимир с удовольствием рассказывал о дополнительных тиражах своего нового романа. О своих скудных тиражах я предпочел практически промолчать.

Мы остановились. Я вышел из автомобиля и увидел приветливое здание. На входе строгая, профессионально сделанная вывеска с пафосом анонсировала невзрачное имя неизвестного мне художника.

– Выставка? – я был разочарован.

– Эльвира представляет своего очередного выкормыша, – Безладов не терял хорошего настроения.

– Ты же обещал что-то веселое?

Эльвира Скари была известным меценатом. Причем известным в основном тем, что брала под свое пышное крыло исключительных бездарностей. И посмеяться над этими убийцами Кандинского и Де Кирико собиралась солидная часть столичной публики. Вот только я никогда не разделял оживления по поводу этого издевательства над искусством. Хотя какая теперь-то разница. Ведь я не отличу вершин высокого ренессанса от дворовой росписи. Не по

форме, разумеется. Просто и то, и то будет для меня лишь новым проявлением этой недоразвитой человеческой эгоцентрики. Когда-то я знал, что такое искусство. И больше мне никогда этого не узнать.

– У Эльвиры всегда весело, – Владимир беззаботно рассмеялся.

– Смех сквозь слезы?

– Не ворчи, Саня! Когда ты последний раз выбирался в люди?

Очень жестко. И очень точно. И еще, наверное, очень смешно. Никогда я еще не выбирался в люди. Никогда об этом не думал и уж точно ни в коем случае этого не желал. Так что сейчас мне должно быть бескрайне весело. Это, конечно, лишь в том случае, если я не расплачусь на глазах у изумленной публики. Вероятно, мое представление понравится им неизмеримо больше запланированного.

Так или иначе, но, пока я, держась за широкую спиной Безладова, шел к оживленному входу, мир этот не дождался от меня ни улыбки, ни слезы. Ничего. То есть гораздо больше того, что заслуживал.

Здесь любили жизнь. Любили не в платоническом смысле, а в самом, как это ни абсурдно, физическом. Имели здесь жизнь. Со вкусом, с вальяжным удовольствием гурманов. А ей было все равно. Щедрая, наивная дура, – она беззаветно отдавалась своим насильникам. Ее дело. Значит, заслужила. По крайней мере, здесь и сейчас.

От них пахло дорогим коньяком, дешевым табаком и парфюмом который выбирался исключительно по названию. У меня был шанс стать таким же. Таким же улыбочивым, куртуазным, светским. Таким же мягким и беззаботным. Упустил я этот шанс, упустил. Может, потому, что валялся в это время пьяным под залитым багровым портвейном столом. А может, потому, что не любил лгать.

Лгать, врать, обманывать, притворяться! Одно из любимейших занятий этого мира. Но неужели оно так обязательно? И вопрос этот для меня был отнюдь не праздным. Это был очень практичный вопрос. Ведь как раз лгать я совсем не умел. Вернее, не пробовал. Хотя нет! Конечно, пробовал и совсем недавно. Странно, как легко это у меня вышло. Странно, что солгать оказалось гораздо легче, чем сказать правду.

Интересно, что в этот момент твоя ложь становится чьей-то правдой. То есть, по сути, перестает быть ложью. В части, конечно. Но обычно этой части вполне достаточно для необратимой трансформации фантазии в истину. Как здесь мало, оказывается, надо для истины. Просто немного лжи.

Тем временем Безладов побежал жать вялые руки и целовать бледные щеки, а я в недоумении остановился возле первой же картины. «Весенний листопад». Бездарное подражание Магритту. Вихрь безвкусной зелени в тоскливой пошлости лазури. Такие пишут в вымышленных припадках псевдотворческого недоэкстаза, а потом с загадочной усмешкой сообщают, что позабыли о месте и времени, а когда очнулись, то перед ними был этот шедевр. Бывает даже, им верят.

Я не верил. Я, Сашка Волковский, простой, смешной человечиска. И все равно не верил. Что уж теперь говорить...

– Ну и как тебе? – Безладов сильно хлопнул меня по плечу.

– Дрянь ведь, – я скучаяще вздохнул. – Нет, лучше, конечно, чем мои. Но все равно редкая дрянь.

– Дрянь, – Владимир радостно закивал. – Но вот ей нравится, – он едва заметно указал в сторону пышной брюнетки в платье, которое недвусмысленно напоминало что бы вы думали. Да, именно. «Весенний листопад» работы Николая Валерьевича Семерицкого.

– Насчет местных вкусов я и не сомневался, – брюнетка произвела на меня слабое впечатление.

Я вообще начинал чувствовать себя затравленным зверем. Слишком много людей. Слишком много голосов. Слишком много жестов и эмоций. Так хотелось забраться в самый пустынный колодец этой крошечной вселенной и замереть в тишине и одиночестве. К сожалению, ни первое, ни второе я себе позволить уже не мог.

– Ты слишком строг к ним, Саня, – Безладов вдруг стал серьезен. – А ведь они всего лишь люди. Такие же, как и ты.

– Так, значит, маловато получается? А, Володя? Получается – маловато быть человеком?

– Точно не пил? – Владимир внимательно посмотрел на меня. – Нет? Значит, сейчас самое время.

Я потер рукой сухой лоб. Может, он был и прав. Да нет, точно прав. В ином случае я вряд ли вот так, без подготовки, вынесу всю эту палитру человеческих масок. Злых, добрых, веселых, печальных, спешащих, неуспевающих, уходящих, возвращающихся, усталых и не желающих уставать. И кто разберет, когда маска будет снята. Уж точно не я. Я ведь еще такой неопытный в этих человеческих делах.

Я подошел к импровизируемой барной стойке и попросил налить мне виски. Сколько? Сто. Нет! Сто пятьдесят. Лед? Нет, спасибо. Кола? Да у вас сзади хвост!

Я сделал большой глоток и со злостью огляделся по сторонам. Интересно, здесь лгали себе? Должны были лгать. Эгоцентризм до боли нуждается во лжи. И когда ему не хватает лжи чужой или, что вероятнее, он ее просто не дожидается, то приходится все делать самому. Жалкая участь. Зато легкая. Стоит одно другого? Конечно, стоит. Еще как стоит. Тут, вообще, полное ценовое несоответствие. Так что с чистым сердцем можно лгать о собственной исключительности, о верности выбранного пути, о важности своих неизмеримо мудрых слов и поступков. И главное – не останавливаться. Не переставать лгать.

Тогда сбудется. И путь будет верным. И слова мудрыми. И вообще – отличная погода!

Да, полезная все-таки штука – ложь. Зря я к ней так предосудителен. Ведь она делает людей счастливыми, ну или хотя бы удовлетворенными. Она заставляет любить и смеяться. Помогает побеждать и обретать.

Разумеется, также очевидны и обратные, гораздо более унылые варианты. Но это вечная участь проигравших. Они ведь могли солгать первыми. Не успели. Или не захотели. Почему? Здесь порой говорят об аморальности лжи. Скажите это тысячам радостных улыбок. Они вам просто не поверят.

Что и говорить, – великолепный инструмент для управления социальной динамикой. Так отчего же он возведен в ранг тяжелейшего греха. Видимо, оттого, что все любят лгать, но никто не желает быть обманутым. Все боятся быть обманутыми. Странно, ведь каждый уже был обманут тысячу раз. Но, как водится, хуже всего тысяча первый.

– Шура! Вот уж кого не ждал! Но надежда! Надежда пылала во мне, как прометеев огонь!

Я с сомнением обернулся. Небыстрой и неуклюжей походкой ко мне пробирался любопытнейший, по человеческим меркам, персонаж. Его звали Мечеслав Игоревич Перелесов, и он, если можно так выразиться, был поэт от дьявола. То есть поэзия его была не то чтобы плохой, но уж слишком своеобразной. Ей с легкостью можно было закусывать водку, когда заканчивались огурцы. Ей можно было дробить черепа, когда ломалась дубинка. Слушать ее, конечно, тоже было можно. Только немного и не всерьез. А если не следовать этим простым правилам, то недолго было сойти с ума, ну или хотя бы впасть в недельную депрессию.

При этом Перелесов обладал невероятным апломбом относительно собственной гениальности. Достаточно сказать, что из великих поэтов прошлого он признавал только Бодлера и Верлена и, подозреваю, лишь потому, что ему нравилось эффектное слово – декаданс. А вот солнце русской поэзии – Александр Сергеевич Пушкин, слыл у него за простака и провинциала.

Общественное мнение мало влияло на его жизненные позиции. Он всерьез полагал, что в поэзии по-настоящему понимает только он. Ну, может, еще пара достойных людей, о которых ему пока не известно. А если человек не понимал в поэзии, то о чем, вообще, можно было с ним разговаривать? И при всем при этом Перелесов, без сомнения, был выдающимся поэтом. Его было почти невозможно забыть, хотя порой и очень, очень хотелось.

– Привет, Слава. – Я пожал длинную, худую руку и сознательно не предложил ему присоединиться.

Но мое предложение было последним, в чем нуждался Перелесов. Он без промедлений уселся рядом со мной и шумно потребовал коньяку (армянского, подешевле). Молча, не чокаясь, опрокинул бокал и посмотрел на меня хитрыми, полубезумными глазами. На тонких губах его играла вождедеющая улыбка.

– Я, Шура, – он с вызовом хлопнул себя в грудь, – пока ты спал, подарил этому миру еще два поэтических памятника! Один – на пять семистиший, другой – на одиннадцать четверостиший. С какого начать?

– А чего-нибудь однострочного нет? – Пять семистиший Мечеслава были для меня, как «Война и мир» для шестиклассника.

– Слушай, Шура! Слушай!

Он довольно засмеялся и тут же, без переходов, начал читать поэтический памятник на одиннадцать четверостиший. Под него я с легким сердцем допил виски и взял еще сто. Помогало слабо. Невозможные рифмы падали в мою голову, словно кузнечные молоты. Строфы тянулись Великой китайской стеной. Я даже не сразу понял, что стихотворение закончилось.

– Ну как?

– Необычно, – я постарался быть корректен, чтобы не слушать следующий поэтический шедевр-реванш.

– Нет, ну до чего же вы, прозаики, все-таки ограниченный народ! – Перелесов со скорбным видом достал из-за уха сигарету. – Необычно! – передразнил он меня. – Скажи уж сразу, что ни черта не понял, – он глубоко затянулся. – Хотя, когда прозаик не понимает в поэзии, – это, в принципе, нормально. Страшно, когда в поэзии не понимает поэт.

– И что тогда? – мне вдруг действительно стало интересно. – Скучные рифмы? Неужели все так страшно?

– Страшно то, что их будут читать.

– Ну, даже если прочтут...

– Шура! Зачем ты портишь мое вишневое настроение? – В голосе Мечеслава зазвучала искренняя обида. – Зачем ты говоришь такие мерзости мне прямо в лицо? Оно и так далеко не такое красивое, как задумывали мои родители? Но я отвечаю.

Снизойду до твоего уровня. – Перелесов опрокинул в себя еще коньяку. – Понимаешь, ведь если их прочтут, то могут и полюбить.

– Они же скучные, – не удержался я.

– Какая разница? – удивился он. – Какая им разница, Шура! Они полюбят даже бред продажных комет, если он будет обернут изящной розовой лентой. Ведь полюбить так просто. Но это будет любовь, которой так боятся мудрые родители. Которая бросит в пропасть. Потому что говно останется говном, даже если сделать его на девяносто девять процентов из шоколада и сливок. Ты понимаешь мою нехитрую метафору?

Понимал ли я? Не уверен. Не уверен, что оценил и метафору, и то, к чему она вела. Да и вообще, это был чересчур непонятный разговор для того, кто стал человеком два дня назад. Мне бы на ногах устоять, какие уж там метафоры. Но поэт от дьявола, похоже, завелся.

– Ведь нельзя полюбить кислое пиво или гнилую картошку. У тебя заболит живот и будет изжога. А от глупой поэзии, в конечном счете, ты получишь рак души.

– Души?

- Души, Шура! Души! Ты, наверное, и не знаешь, что это такое.
Я не знал. Вернее, знал, но... Нет, я должен был услышать, чтобы быть уверенным.
- Может, уточнишь?
- Душа – это место, куда ты уйдешь, когда окончательно поссоришься с миром, – узкое лицо поэта тронула далекая печаль. – Но, что тебя там встретит, зависит только от тебя самого. Может, ты найдешь там тихую гавань, а может, – заброшенный погост. Одолжи десять штук, – неожиданно закончил он.
- Зачем?
- Пропью.
- Отличное вложение.
- Я знал, что ты оценишь.
- Могу предложить пять.
- Не уверен, что у меня получится стерпеть это оскорбление.
- Да ты просто граф Монте-Кристо.
- Десять штук, и я отложу свою месть на неопределенное время.
- Да, ты прав, – это честно, – этой словесной дуэли мне было не выиграть.
- Слава, – я достал кошелек и отсчитал положенную сумму довольному поэту. – А скажи, вот ложь, она вредит душе?
- Ложь? Душе? – Перелесов с независимым видом переправил деньги к себе в карман. – Когда как, Шура. Когда вредит, а когда и лечит.
- Вот и я так же думаю. Но если сузить. Не просто ложь, но ложь поэта?
- Поэт всегда лжец, – Мечеслав усмехнулся и победно заказал еще коньяку (на этот раз французского). – Но лжец добрый. Не лжец даже, так – фантазер. Ведь фантазия тоже ложь. Но кто из нас не любит хорошей фантазии. Особенно про женщин, – он довольно рассмеялся.
- Значит, ложь можно оправдать всегда?
- Шура, тебя что, на лохотроне развели? – Перелесов с демонстративной неторопливостью прикуривал новую сигарету. – Что за темы на светском мероприятии?
- Меланхолия, – кажется, этим, как правило, объясняли подобные диалоги.
- Дело хорошее, – резюмировал Мечеслав. – А по поводу оправданий я тебе так скажу. Ты уж прости мой безвкусный каламбур, но в оправданиях обычно нуждается правда.
- А в чем нуждается ложь?
- А она уже ни в чем не нуждается! – Перелесов расхохотался. – У нее уже все давно есть! Теперь мы нуждаемся в ней. Нет, вот ты представь, как это – жить только правдой? Катастрофа! Переубиваем друг друга ко всем чертям. Нет уж! Лично я свою ложь никому не отдам!
- Ну, сейчас-то понятно. А вот если бы мы не лгали изначально, то что бы тогда из нас выросло?
- Мечеслав глубоко затянулся и допил коньяк. Ему явно было скучно фантазировать на такие приземленные темы.
- Я думаю, мы бы знали многое из того, о чем мечтали забыть. И ненавидели друг друга еще сильнее. Ведь ненавидят обычно не ложь. Ненавидят правду, которую она скрывает.
- Так что же, ложь – наше спасение?
- Ложь – наша реальность, Шура, – Перелесов с сомнением посмотрел на пустой бокал. – И она нас вполне устраивает. Или ты, может, решил стать полным маргиналом? – он подозрительно уставился на меня.
- Куда мне. Там все уже давно занято.
- Ну, тогда и не тревожься. Твою меланхолию можно направить в гораздо более удачное русло.
- Вслед за моей десяткой?

– За моей десяткой, Шура. За моей. – Мечеслав погрозил мне пальцем. – Но ход мыслей твоих верен, как сердечный приступ.

– Боюсь, я сейчас не в форме.

– Важна не форма, важно, чтобы ни на миг не гасло, – непонятно сказал Перелесов и заказал еще коньяку.

– Ну, значит, у меня никак не разгорится.

– Ну и дурак! – Мечеслав поморщился. – От меланхолии надо брать все, Шура! Вот большинство ее показательно не любят, а я так просто обожаю. Для меня это лучшее время года. Идешь и никого не видишь, ничего не слышишь, ни в чем, по сути, не нуждаешься. У тебя уже все есть. Есть боль, и есть тот огонь, который в итоге должен ее сжечь. Что еще надо для счастья, Шура? Я уж не говорю про рожденную в это время поэзию! Над ней будут плакать через зоны, Шура! Через зоны! Только представь, забыты земля, солнце и сам род человеческий. Но по всему Млечному пути, подобно эфиру, разлит гений Мечеслава Перелесова. А ты говоришь – меланхолия! – Он укоризненно покачал головой. – С наслаждением это надо говорить. С наслаждением и лаской.

– А если вдруг погаснет? Раньше, чем сожжет? Как тогда?

– Вот тогда и пора на покой, Шура. Вот тогда, пожалуй, и наступит время немного помолчать. Вот тогда...

– Здорово, Слава! – Безладов вырос позади поэта и хлопнул его по плечу. – Саня, допивай и пошли знакомиться!

– Знакомиться? – я очень не хотел знакомиться.

– Не делай такие кошмарные глаза, – Владимир выразительно взглянул на меня. – Их там двое, и мне, как ты понимаешь, нужен надежный партнер в этом деле.

Я понимал. Понимал, что других вариантов у меня не оставалось. В смысле социально приемлемых вариантов. А в этом мире только такие и имели право на жизнь. Остальные же считались как минимум глупостью. А порой и вовсе преступлением. Предусмотрительный социум надежно защищал себя от всего, что может повредить устойчивости его трона.

Социум не выносит тех, с кем ему тяжело. А вот тем, с кем ему легко, он дает все. Все, но на всех. Кто-то будет доволен, кто-то удовлетворен, а кто-то обижен. Так или иначе, но свое получит каждый. И кем надо быть, чтобы отказаться от всего? Богом? Я болезненно рассмеялся.

– Верный выбор, Саня! – Безладов истолковал мой смех по-своему. – Только помни, они в восторге от местной живописи. Так что постарайся оградить их от своей воинствующей критики.

Я согласно кивнул. В конце концов, это отличная возможность побыть лжецом. Вдруг это будет интересно.

Их действительно было двое. Уже не лучшим образом зарекомендовавшая себя брюнетка и ее подруга с буйной гривой обжигающе-рыжих волос и плотоядной улыбкой неестественно алых губ. При нашем появлении улыбка чуть увеличилась, снисходя своим сомнительным очарованием и на мою скромную личность.

– Рекомендую! – Владимир широким жестом указал на меня. – Будущее русской литературы...

– Кропоткин, – я мило улыбнулся. – Платон Кропоткин.

Просто? Очень просто. До глупости просто. Но надо продолжать. Лжи нет покоя в этом мире.

– Как вам выставка? – я вновь вернул взгляд на явно заинтересованных дам. – По мне, так просто чудо! Лотрек нервно курит и скоро начнет стрелять у нас сигареты! – я радостно рассмеялся.

– Да, интересные работы, – рыжая протянула мне руку. – Саша.

– Тезк... – начал было Владимир, но вовремя осекся.

– Платон, – твердо сказал я и обозначил поцелуй на протянутой руке. После чего повторил похожую процедуру с брюнеткой, которую звали Аня.

– Что вам понравилось больше всего? – невинно осведомилась последняя, поправляя край длинного платья.

Что ж, тут двух мнений возникнуть просто не могло.

– Конечно, «Весенний листопад»! – я постарался изобразить на лице высшую форму восторженности. – Какие краски! Какая глубина замысла!

– Правда? – лицо Ани осветилось победоносным блеском. – Я тоже так считаю. А вот Владимир к ней отнесся достаточно прохладно, – она с легким укором посмотрела на Безладова.

– Ну что ты, Володя! – я сотворил непонимающий жест. – Гениев надо узнавать сразу. Чтобы потом не было мучительно стыдно.

– Ну, у тебя-то глаз-алмаз, Платоша, – Безладов быстро освоился с моей безвкусной ложью.

– Это точно! – я едва не засмеялся, а потом все же засмеялся.

– Кропоткин – это псевдоним? – Саша все более заинтересованно смотрела на мои кривляния.

– Да! Хотелось чего-то народовластного!

– А ваша настоящая фамилия?

– Поощадите! В писателе должна оставаться загадка!

Отчего же вы так послушно рассмеялись этой идиотской шутке? Или для смеха не важен повод, но важна причина? А причина в том, что ты просто хочешь смеяться. И неважно, кто станет твоим шутком. Как просто здесь быть шутком. Как любят здесь шутов. Любят не за их, а за свой смех. И как страстны они в этой извращенной любви!

– Позвольте мне лучше выразить свое восхищение вашей несравненной красотой и демоническим очарованием, – я постарался отвесить в комплимент совсем немного сарказма, предназначавшегося в основном для Владимира. – Шампанского? – не дожидаясь благосклонных возгласов, я поспешил к бару.

Перелесов был еще там, самозабвенно пропивая нечаянные деньги. Мое появление он встретил с расслабленным интересом и одобрительно прокомментировал вынырнувшее из-под стойки шампанское.

– Когда-то я любил шампанское, – протянул поэт, глотнув коньяку. – А потом вдруг в нем оказалось слишком много ненужной радости.

– Что ж это за радость, если она не нужна? – спросил я, принимая оскорбленно пустые бокалы.

– Это просто не твоя радость, – он не улыбнулся. – Не твоя и не тебе.

– Так неужели все дело в шампанском?

– Нет, конечно, – вот теперь он усмехнулся. – Но сказал красиво.

Через минуту шампанское весело заискрилось в бокалах, даря нам всем чужую радость и примешивая к ней немного своей. Неужели так сложно перепутать свою с чужой? Или просто чужая нравится больше? А своя уже давно надоела?

У меня не было ни той, ни другой. Не знаю, нуждался ли я в ней, вообще. Скорее, боялся, что она придет, закружит, окончательно затолкает в этот чуждый, ненужный мне мир. И видят усталые звезды, боялся не зря.

Тем временам мы остановились возле очередного шедевра.

Я с умилением уставился на женскую фигуру расплывчатых форм в ажурно-фруктовом обрамлении. Ее безумный взгляд выражал полнейшую отрешенность как от житейских, так и от глубинных проблем. Она не знала проблем, ибо просто не смогла бы решить ни одной из них.

– И как вам? – Аня, разглядевшая во мне собрата по вкусу, с задумчивым видом разглядывала полотно. Какие же знакомые у нее были глаза!

– А вам?

– Есть в ней что-то загадочное, – томно протянула девушка, поправляя непослушную прядь.

– Да? И что же? – мне крайне хотелось добраться до истины.

– А вы сами разве не видите?

Я не видел. Старая привычка не видеть загадок там, где их нет и быть не может. Раньше их не было вообще. Сейчас? Сейчас, конечно. Но не эта! Ни в коем случае не эта!

– Да-да! – Я не сдавался в своей насмешливой роли. – Разумеется, вижу! Самая загадочная женщина в моей жизни!

– В моей, наверное, тоже, – Аня довольно рассмеялась. – Саша! Владимир! А вам нравится?

– А как же, – в голосе Безладова явственно слышался мрачноватый сарказм.

– Да, прелестно, – даже у Александры прорезались нотки боязливого сомнения.

Тем временем Владимир решил увести разговор вдаль от искусства.

– Я знаю место, где готовят божественного барашка, – с приятной улыбкой начал он. – С кьянти или бароло на ваш выбор.

Я невольно сглотнул. Моя низменная человеческая часть отчаянно хотела барашка. Причем именно с бароло, которое я мог позволить себе далеко, очень далеко не всегда. Но неужели я стану мерить себя мясом и вином?

– Успеем, Володя, – я изобразил медитативную усмешку. – Барашек уже не убежит. А вечер только начался.

– Суть в том, чтобы он не затянулся, – улыбка Безладова стала напряженной.

– Но, Платон прав, – Аня теперь до конца жизни была на моей стороне. – Давайте досмотрим выставку.

– А потом барашка, – примирительно закончила ее подруга.

На этой круторогой ноте мы продолжили осмотр сокровищ творческого гения Николая Семерицкого. И чем дольше мы этим занимались, тем большим уважением проникался я к непосредственному организатору выставки – госпоже Скари. Все-таки надо было быть крайне незаурядным человеком, чтобы заставить смотреть на этот парад унылых красок.

– А вот и мастер! – Саша с восторгом показала на невысокого паренька, лет двадцати семи, с длинными, убранными в хвост волосами и невразумительной бородкой на бледном узком лице. Мастер стоял в компании молодых людей и что-то самозабвенно рассказывал, помогая себе резкими, отрывистыми жестами. Наверное, показывал, как надо писать «Весенний листопад».

И в чем же он виноват? Неужели в том, что напрочь лишен таланта? Да разве это повод, чтобы отказаться от предложенных радостей? От хмельных капель славы, от восхищенных взглядов влюбленных идиотов? Конечно, нет. Ведь даже дурак станет мудрецом, если это всех устроит. Или устроит того, кто решает за всех.

Удобная ложь. Ложь не одного, ложь многих. Иногда очень многих. Возможно, – всех. Когда никто не хочет правды. Но что же это за правда, если ее не хотят знать? И что это за жизнь, если в ней нет места правде? Самая обычная, по всей видимости. Человеческая. Моя? Как приятно сейчас было бы солгать. Нет! Не моя! Их! Этих недостойных моего взора!

Но, верно, не такой я еще и человек, чтобы утонуть в собственной лжи. Или в любой другой. Хотя, конечно, забавно было бы посмотреть, как я барахтаюсь на поверхности, пытаюсь схватиться за несуществующий спасательный круг.

– Какое, наверное, счастье – обладать таким талантом! – Аня продолжала восхищенно наблюдать за жестикуляцией художника.

– Счастье или бремя? – я перевел взгляд на стену, отделка которой заняла меня больше висящих рядом работ.

– Почему бремя? – на этот раз спросила Саша, возможно, потому, что Аня меня просто не услышала.

– Так ведь придется заплатить, – я мрачно ухмыльнулся. – Иногда втрое.

– Отчего же так дорого? – вступил в разговор Безладов. – Порой достаточно пары звонков.

– Так я про другой талант, Володя. Который не для них, который для себя.

– А вы за свой заплатили? – Аня наконец оторвалась от своего кумира.

– Что вы! – я засмеялся. – Ни копейки! Просто не за что. Это не талант – обычное трудолюбие.

– А что же тогда талант?

– Талант – это то, что заменит тебе все остальное, – я по возможности тонко улыбнулся.

– Неужели все?

Я вежливо кивнул.

– А вы бы хотели обладать всем, Платон? Просто так, без таланта, – Аня приглашающе засмеялась.

Когда-то я уже владел всем и не думал, что смогу обходиться меньшим. Но что подразумевает человек, говоря обо всем? Уж точно более умеренный вариант? Насколько умеренный? Крайне, крайне умеренный. Богатство, власть, слава. Иногда еще вспоминают о здоровье. Как правило, именно в тот момент, когда его начинает не хватать.

Что еще? Немного разных причуд, немного ошибочных идеалов. Вот оно и все! Так хотел бы я обладать всем? Здесь об этом редко задумываются. Просто хотят, просто желают. Такая смешная человеческая алчность. Или необходимая человеческая алчность? Ведь в чем альтернатива? Альтернатива всему? Ничего? Что-нибудь? Хотя что-то? Это звучит гораздо менее привлекательно. И есть подозрение, что не только звучит.

– А вам не кажется, что это слишком много? – Я с легкой иронией посмотрел на свою собеседницу.

– По-моему, в самый раз! – она ожидаемо рассмеялась. – Много не мало!

Я согласно усмехнулся в ответ. Вот и вся аргументация. С одной стороны, бескомпромиссно надежная. С другой, – невыразимо поверхностная. Ведь избыток может стать не менее опасным, чем недостаток. Но эту опасность замечают далеко не сразу. Если вообще замечают.

– Я бы не хотел обладать всем, – я мягко улыбнулся. – Ведь тогда я бы вряд ли встретил вас.

Девушка удивленно вскинула брови, явно не понимая, насмешка это или комплимент. Положение спас Безладов, разлив по бокалам остатки шампанского и продекламировав какой-то дежурный, но красивый тост. Я поспешил вставить галантную ремарку, и лица наших дам вновь озарили оживленные улыбки – предвестники жарких, звенящих ночей.

Я допил шампанское. Скоро я буду пьян и бестревожен. Скоро мне будет плевать на то, что я человек. Я приму это на краткое, беспмятное время. Я буду жадно, ожесточенно желать еды, вина, женщин. И я буду наслаждаться уже одним желанием. Простым предвкушением обладания.

В этом суть человеческой алчности. В возможности, в желании. Ведь алчность проходит не тогда, когда ты получаешь то, что хочешь. Она проходит, только когда ты перестаешь хотеть. Никогда?

Тем временем Аня извивалась возле очередного творения. Это был натюрморт. Из свиной печени и ананасов, как мне показалось. Однако называлась работа «Залив грез». Значит, все-таки пейзаж.

– Давно я не видела столь вдохновенной живописи!

Вдруг сквозь все маски, все веселье прорвалась обычная ослепшая злость. Густая, мрачная скука.

– Это не живопись, это бред пьяного маляра, – я устало посмотрел на застывшую в изумлении девушку.

– Но вы же говорили...

– Я лгал.

– Лгали? Почему?

– Потому, что я человек.

Она не поняла, а я не был намерен объяснять. К чему объяснять океану, что в нем полно воды? Я развернулся и направился в сторону бара, где вновь застал моего друга-поэта.

– Что ты там говорил про меланхолию?

– Созрел? – Перелесов расхохотался и потребовал сто коньяка. Как выяснилось, для меня.

– Угощаю!

Я сделал глоток и болезненным взглядом посмотрел на Мечеслава. Последний был до отращения весел и влюблен в жизнь.

– Я как раз собирался в одно занимательное место, – Перелесов скосил на меня хитрый, пьяный глаз. – И, так и быть, готов взять тебя с собой.

– Притон укуранных поэтов?

– Там еще и пара поэтесс найдется.

– Поэтессы мне всегда нравились больше.

– Тогда в путь, Шура! – Перелесов залпом опустошил свой бокал. – А то слишком дорог сегодня хороший коньяк.

– А сколько бы ты выпил, если бы он вдруг стал бесплатным?

– Я думаю, меньше, чем мне того бы хотелось, – Мечеслав мечтательно прикрыл глаза. – Но сомневаюсь, что ушел бы обиженным.

Я усмехнулся и приступил к опустошению собственного бокала, краем взгляда наблюдая, как к бару приближается явно разочарованный Безладов. Коньяк я допил раньше.

– Ну, спасибо... Платон! – Владимир явно был в недобром расположении духа. – Что за философские капризы в разгар языческих плясок вечернего города? Начал играть – играй до конца, – чуть менторски закончил он и задумчиво посмотрел на полный выпитого коньяка бокал.

– А я смотрю, изрядно ты постарел, Вова, – Перелесов обвиняюще указал на Безладова пальцем. – Разучился слать всех и каждого к чертям, огням и ангелам. Разучился уходить красиво.

– А ты меня поучи! – у Владимира с Мечеславом отношения были неровные. – Красиво уползать – это ты умеешь.

– Все мы ползаем, Вова. Еще ни один не взлетел.

– Прости, Володя, – я в целом понимал, что был не совсем прав с точки зрения социального товарищества. – Как-то душно стало. Как-то тоскливо.

– Да ладно, – Безладов уже успокоился. – Было бы, о чем жалеть. Но с тебя пиво. И продолжение вечера. В этот раз Эльвира явно перестаралась. Паренек не тянет даже на троечника Репинки.

– Слава предлагает поэтический вечер.

– Это там, где много дешевого портвейна и экзальтированных барышень? Я однозначно – за.

– Ну так поползли, прозаики! – Перелесов первым поднялся со стула. – Пока там еще что-то осталось.

Апрельский вечер был свеж и ненавязчив. Город мчался сквозь него, не замечая пленительных сумерек лукавой весны. Не до нее сейчас ни ему, ни тем более – мне. А до чего мне сейчас? Ну до чего? До портвейна? До женщин? До недостижимых крыльев? Здесь так мечтают о крыльях. Интересно, для того, чтобы летать или чтобы улететь? Может, пора и мне начинать мечтать о них?

– Пешком минут двадцать, – Мечеслав с наслаждением закурил новую сигарету. – Или для вас это неподъемный маршрут?

– Пройдемся, освежим голову, – Безладов снова был в благодушном настроении. – Тем более погода позволяет.

Я равнодушно кивнул, и мы пошли по залитой бледным светом улице. Я бездумно шагал, старательно заставляя себя забывать все то, что невозможно было забыть. Заставляя держать на короткой цепи ревущую, огнедышащую ненависть. Как мало мне сейчас было этой жалкой, ни на что не способной ненависти. Как хотел я заменить ее на другую – грозную, обрекающую. Как хотел я несбыточного.

Спустя обещанные двадцать минут Мечеслав свернул в темный переулок, и мы закружили в изгибах неторопливо гудящих московских дворики.

Темный подъезд, темная лестница, темная дверь на третьем этаже. Все темное. Дайте же немного света!

На! Получай свой свет, шум, гам! И не говори, что мало, а то получишь еще. До краев, до луны, до солнца.

– Слава! – к нам протуберанцем бросилась яркая полноватая женщина с манерами древнеримской гетеры.

– Виолетта! – Перелесов раскрыл дрогнувшие объятия.

Через пару минут взаимного восхищения Мечеслав удосужился представить эпатажной хозяйке своих спутников. Оказалось, что Владимира Виолетта даже читала, а вот обо мне, к сожалению, не слышала, но уверена, что скоро обязательно услышит. Мне бы ее уверенность.

А потом в головы ударил джаз, дым, смех. В большой комнате-студии веселилось десятка полтора человек. Трезвых здесь не было. Здесь они были ни к чему. Виолетта громко отрекомендовала нас обществу и утащила Мечеслава знакомиться с неким «невероятно интересным человеком». Безладов отправился на поиски алкоголя, а я подошел к небольшому столу, за которым ютились несколько картежников.

За столом шла партия в преферанс, и велся ленивый, но едкий спор о религии. Хотя нет, не о религии даже – о вере. Интереснейшее человеческое свойство – верить. Во что? Да во все. В вечную жизнь, в высший разум, в заселенные небеса, в сусликов-вампиров. Вера спасает от обыденности, от одиночества, от пустоты завтрашнего дня. Мгновенно делает тебя избранным. Только ты и твои грезы. Грезы, которые всегда с тобой. Которые никогда не предадут. Быть может, если только ты станешь немного умнее. Или немного циничней. К сожалению, одно часто приходит на помощь другому.

Лысоватый бородач с серьгой в ухе взял прикуп, выругался и бросил карты обратно. Однако спор, несмотря ни на что, продолжил.

– Бог есть, Аркаша! Ведь не может же он нас оставить один на один с дьяволом! А относительно присутствия дьявола у меня существуют совершенно неопровержимые доказательства.

– И какие же?

– Тебе еще раз показать прикуп? Шесть червей!

Упомянутый Аркаша возмущенно махнул рукой и с видимым удовольствием завистовал. Похоже, для бородастого наступали не лучшие времена. Он еще раз жалобно посмотрел в свои карты и сделал плоток из стоящего рядом бокала с чем-то очень похожим на коньяк.

– А вы что думаете, уважаемый? – он неожиданно обратился ко мне. – Есть ли бог за этими облаками?

– Даже если и есть, нас он вряд ли заметит. Что ему до суеты человеческой? – Я по возможности тонко улыбнулся.

– Интересная позиция, – беседа занимала бородатого несравненно больше, нежели насквозь проигранный контракт. – Значит, он есть, но не для нас?

– Версия ничуть не хуже других.

– Я бы сказал, лучше многих!

– Возможно, и так!

– Ходи, Лева! – вистующий явно предвкушал очередную взятку.

– Без двух! – Лева бросил карты на стол. – Только и в этой версии есть коренной изъян!

– И где же он?

– Он в том, что весь смысл веры в относительной близости бога. В том, что он слышит и видит нас. Ведь это наш бог.

– Может быть, в вере нет смысла?

– Верую, ибо нелепо! – мой собеседник усмехнулся. – Вы прагматик, – он покачал головой. – Причем законченный.

– Осуждаете?

– Не завидую. Человеку тяжело без веры.

– Человеку всегда тяжело. Без счастья, без денег, без друзей, без любви, без побед. Плюс один по сути ничего не меняет.

– Вы циник.

– Причем законченный.

– Хотите сигару?

– Ваше утешение для законченных циников?

– Просто лишняя сигара.

От сигары я, конечно, не отказался, но и курить тут же не стал. Не любил я курить в шумной толпе. Предпочитал блаженное уединение. Но незадачливый преферансист не выпускал меня из своего поля зрения. Он желал знать о боге. Не о том, который перед ним. Но о том, которого он никогда не увидит.

– Но в принципе вы можете предположить существование бога?

– Конечно, могу. Правда, он будет изрядно отличаться от канонических воззрений.

– Тем, что ему плевать на людей?

– Во-первых, не плевать, он просто не знает об их существовании. А во-вторых, не может у бога быть столь примитивных целей, как спасение или кара человечества. Он бог! Он выше звезд и старше вечности! При чем здесь люди?

– Кто-нибудь всегда при чем, – Безладов протянул мне бокал с коньяком. – Что-то ты сегодня заводной, Саня. Тревожный, как насморк.

– Лестное сравнение, – я выпил коньяку. – Как тебе здесь?

Мы отошли от стола, за которым Лева собирался играть мизер. Судя по очередному «удачному» прикупу, помочь ему в этом мог только его желанный бог. Такой близкий и такой недостижимый.

– Богема... – Владимир чуть скривил губы. – Слишком много ненужной тоски в глазах.

– А сам-то ты кто?

– Я – профессионал.

Я с усмешкой кивнул и допил коньяк.

– Александр! – ну вот, теперь религиозный картежник знает мое имя. – На мгновение!

– Как мизер? – я подошел к задумчиво смотрящему на меня преферансисту.

– Сел. Но без «паровозов», – он помолчал. – Я вот что хотел сказать. Неважно, знает бог о нас или не знает. Важно, что мы знаем о нем. И он нам нравится. Именно такой, какого

знаем мы. Возможно, другой нам и не нужен. И может, даже хорошо, что он не в курсе. Про все это... – мой собеседник замолчал и снова потянулся за картами.

Я тихо отступил. Вот так. Им все равно, кто он, когда прощает их грехи. Им важно, что грехи прощены. Бог простил! И как легко сразу на сердце. Как светел и чудесен новый день. Как много еще можно успеть, а в конце мудрый ангел откроет перед тобой райские врата. Как мало им надо от бога. И как рады они этой малости.

– Посмотри, какие рюмки, Шура! – Перелесов вырос из-за спины. – Посмотри, какие красивые!

Я недоуменно взглянул на вполне обычные рюмки с разлитой в них водкой.

– Красивая рюмка – это полная рюмка! – назидательно произнес Мечеслав и вручил мне одну. – За ночь! Хорошая ночь, веселая!

Он опрокинул свою и тут же исчез среди соседей по ночи. Я подумал и поставил рюмку на подоконник. Водки не хотелось. Хотелось курить. Тем более у меня наконец-то появился достойный повод.

Я незаметно вышел из квартиры и спустился в темный, холодный двор. Немного постоял, собирая разбегающиеся мысли, а потом сел на скамейку и неторопливо раскурил пожертвованную мне пухлую гавану. В голове мельтешили феи. И откуда во мне столько неуклюжей поэзии? К сожалению, в этом разобраться так и не довелось. Затылок пронзила ослепляющая боль, и я упал на мягкую землю.

Очнулся я явно быстрее, чем того требовал сюжет. Двое крепких парней еще обшаривали мои карманы. Один из них увидел, что я открыл глаза, и с глумливой усмешкой приставил к моему горлу нож.

– Лежи, падла! – он с видимым удовольствием поиграл лезвием. – Не суетись!

– Может, еще раз его? – второй бегло осмотрел мой кошелек и, похоже, остался разочарован.

– Не, он смирный. Ты ведь смирный, терпила? – грабитель снова усмехнулся. – Бери часы и валим!

Они сняли с меня часы и пропали в темноте.

Было больно, было обидно, было страшно. Человеку. Но бог не чувствовал боли, не знал обид и не помнил, что такое страх. Бог желал карать. Ибо никто не смеет касаться бога.

Я повернул голову. Совсем рядом лежал камень. Сойдет. Превозмогая боль и головокружение, я встал, поднял камень и побежал на казнь. Далеко они уйти не успели. Я нагнал их через полминуты, ориентируясь по шаркающим звукам.

Когда они обернулись, я был уже совсем рядом. Наверное, они удивились. Я прыгнул и со всей силы ударил камнем по голове ближайшего из них. Треск пробитого черепа, брызги крови, все по плану. Второй потянулся за ножом или пистолетом. Не успел. Я опередил его едва ли не на мгновение. Но опередил. Он подставил руку, и удар получился смазанным. Он зашатался, я ударил еще раз. Грабитель упал еще живой. И живым он оставался еще целую секунду.

Здесь для этого нужно много людей. Нужны доказательства, прокуроры, адвокаты, судьи. Но богу не нужен иной судья, кроме него самого. Он казнит своей волей. И он не умеет прощать.

Человеку тяжело убивать. Тяжело прикасаться к смерти. А вот богу убивать легко. Он редко видит смысл в любой жизни, кроме своей. А уж смысл этой жизни. Я удовлетворенно улыбнулся. Я все еще был богом. Пускай пьяным, грязным и избитым. Но этот мир не достоин и такого.

Бог улыбался, но вот у человека определенно возникли проблемы. Человека назовут убийцей и посадят в тюрьму. Посадят за то, что он не стал терпеть. И назовут это правосудием.

По-своему верно. Простое решение. О простых решениях редко жалеешь. Они кажутся очевидными. Других ведь даже не заметишь.

Между тем как раз мне сейчас бы не помешало несколько простых решений. На руках и одежде кровь, рядом два свежих трупа. Задача для тех, кто углубленно изучает криминалистику.

Я ограничился тем, что надел перчатки и оттащил тела в ближайшие кусты, попутно забрав часы и кошелек. Потом поднял оружие убийства, разбросал ботинками окровавленные клочки грязного снега и, беспокойно озираясь, направился обратно в квартиру (подобрав по пути толком не раскуренную сигару). Дверь за мной никто не закрывал, и я, так никем и не замеченный, без лишних сомнений прошел в ванную комнату.

Курка у меня была кожаная, так что смыть кровь удалось довольно легко. Пара капель попала на рубашку, но их было почти незаметно. Джинсы тоже сильно не пострадали. Даже рана на голове практически перестала кровоточить. Все для меня! Я тщательно вымыл лицо и руки, вздохнул и вышел из своего укрытия. К некоторому облегчению отсутствие мое заметил только Безладов.

– Где был? – Владимир невозмутимо пил коньяк в обществе богемы с тоскливыми, но довольно красивыми глазами.

– В ванной. Похоже, немного перебрал.

– Что-то ты сегодня быстро.

– Бывает.

– Ничего, главное – не сдаваться.

Я оставил Безладова с его новой возможностью и немного покрутился среди смеющихся, шумящих, спорящих людей. Что и говорить, жалкое времяпрепровождение. Леве наконец улыбнулась удача, и он вышел сухим из тройных распасов, чему теперь громко радовался, воздавая неумелые хвалы своему добродушному богу. Мечеслав читал что-то из личного репертуара группе утомленных барышень и, как ни странно, имел определенный успех. А у Владимира, похоже, окончательно оформились планы на вечер. Вернее, уже на утро.

Мне больше нечего было делать здесь. Я хотел спать. И я хотел спать один. И еще я очень не хотел просыпаться. Я коротко попрощался, вышел из дома и пошел ловить ночного извозчика. Будем надеяться, завтра в мою дверь не постучится хмурый старлей.

Минут пять я стоял на запорошенной фонарным светом дороге, пока меня не подобрал загорелый юноша на потрепанной мазде. Я дал ему четыре сотни, и он повез меня домой. К пустому холодильнику. К недописанной рукописи. К горькой правде. И к новому дню. Нет! Только не домой!

– Останови здесь!

Машина затормозила возле безрадостного вида гостиницы. На другую у меня не хватило бы денег. Я снял самый дешевый номер и немного посидел на упругой кровати, глядя в черное окно. Я не заметил, как сон утащил меня на дно своего шепчущего омута.

Просыпаться мне, конечно, не стоило. Страшно болела голова. Безумно хотелось пить. Вот они – печали бывшего бога. Я с трудом сел на кровати. Я ненавидел даже эту кровать. Что же будет дальше?

А дальше у меня было только два варианта. Первый очевиден. Вернуться домой, взяться за работу, тихо жить и тихо, безжалостно умирать. И еще был второй. Красивый. Перестать быть человеком.

Не для них, конечно, лишь для себя. Но нужен ли мне кто-то иной. Нет! Нет! Двести тысяч аккордов нет! Значит, пусть будет так!

Вот теперь я мог ехать домой. Ведь это был не мой дом. Теперь можно дописать книгу. Это не моя книга. И можно без скорби смотреть в глаза всем этим странным существам. Ибо

я не один из них. Ну а ненависть? Она пускай остается. Пускай согревает меня от ледяной тоски за углом.

Через полчаса я шел по полноводной московской улице и не думал о том, кем я стал. Уже не бог, еще не человек. Что же ближе. Я знаю, что ближе. И я, как могу, ухожу от этой близости. Как долго мне будет удаваться уходить? Пусть будет хотя бы недолго.

Через час я был дома. Дома у Сашки Волковского. Я без аппетита поел и без лишних раздумий включил ноутбук. Ну что, моя смешная фантазия, я снова с тобой. Слишком мало мы не виделись. Никто из нас не заскучал.

Болела голова. Ну, это ничего. Человек будет терпеть. Будет терпеть столько, сколько я скажу. Столько, сколько будет угодно богу.

Ну а ты? Ты еще любишь ее? Беспредельно! А ты его? Необратимо! Вот так категорично? Но вы забудете друг друга. Сделаете то, чего никогда бы не сделал человек. И вы не будете об этом жалеть. В вас не останется жалости. Вы отдали этой любви все, но ей надо было гораздо больше. Слишком много на вас двоих.

И вы, конечно, не согласитесь со мной. Но кто спросит вашего согласия? Кому нужно согласие придуманных людей, если его не хватает на живых. Так что вы забудете, но не сейчас. Не сегодня. Сегодня вам предстоит последняя ночь из огня и ненависти. Последние мед и горечь поцелуев. Последний аккорд гениальной, недописанной симфонии.

Я долго писал ни о чем и ни для кого. Получилось, как мне показалось, неплохо. Непонятно, но это даже хорошо. Ведь приятно, прочитав что-то непонятное, потом рассказать всем, о том, что все прекрасно понял? Очень приятно. Ну так вот вам! Наслаждайтесь!

Оставался еще непредсказуемый финал! И что же в нем будет непредсказуемого? Кто-то умрет? Это, пожалуй, самый предсказуемый финал из всех. Кто-то простит? Слишком уж жаждут они прощения. Не дам! Кто-то поймет, что все было зря. Вот! Вот уже что-то стоящее. Человек никогда не скажет, что его любовь была зря. Не посмеет. Но я посмею. Печальный будет финал. Но финал, пожалуй, всегда печален. Так или иначе. Все!

Я с силой захлопнул ноутбук. Я вдруг со всей ясностью понял, что уже давно занимаюсь тем, что жду. То есть провожу время за самым распространенным занятием в этом мире. Здесь всегда ждут. Ждут и надеются, ждут и боятся, ждут и сомневаются. И, наконец, ждут и не дождаются.

Так просто довериться равнодушному времени, не замечая при этом его равнодушия. Просто подождать, и все будет хорошо. Все... образуется. И боль пройдет, и счастье найдет. А потом, у края жизни, поймешь, что тебя обманули. Перепутали счастье и боль. Как же так? Вот так! Ты просто слишком долго ждал.

Бог был на грани. Человек рвался наружу ревущим ураганом. Мог ли я его остановить? Но на вопросы уже не остается времени. Тем более на вопросы без ответов. Человек ненавидел бога. Бог ненавидел человека. Я вернулся к тому с чего начал. Я не очень хочу знать, чем все закончится. Другой вопрос, – что мне придется. Придется посмотреть в многогранность моей арены.

Социум. Мой непобедимый, безжалостный враг. К слову, не только мой. Здесь много зараженных болезнью асоциальности. Смешно то, что асоциальность как состояние безмерно человечно. Асоциальность – это конфликт. Конфликт – основа социума. Столкновение разумов, желаний, стремлений. Рождение нового смешанного-перемешанного знания. Человек не против социума как феномена, но против той роли, которую социум ему отвел. И, имея слишком много врагов конкретных, он соединит их в единого врага. Врага, которого ему не победить хотя бы потому, что времени явно недостаточно. В том числе и у меня.

Значит, не стоит думать о победе. Но стоит подумать о шансе на выживание. О том, чтобы поискать этот безумный шанс. И для этого стоит залезть в самые дебри асоциальности. И славно в этих дебрях поохотиться. Странная охота в странном месте. Не будет погонь и

трофеев. Может быть, даже не будет крови. И, скорее всего, я так ничего и не найду. Но я хотя бы буду охотником. И теперь мне крайне нужен загонщик.

Я набрал знакомый номер.

– Говори...

Обладателя хриплого, грубого голоса звали Константин Ремнев, а чаще Костя Ремень. Он был потрепанным жизнью металлистом, ударником каждой пятой третьесортной московской команды. У Кости были проблемы с алкоголем, наркотиками, женщинами, законом и просто людьми. Он был законченный мизантроп и без пары минут социопат. В общем, – идеальный загонщик.

– Здорово, Ремень! По пиву? – беспронимательное предложение.

– Угощаешь?

– Частично.

– Где?

– В «Мефистофеле», часа через два.

– Пойдет, – Костя повесил трубку. – Не любил Костя Ремень пустого телефонного базара.

Если и был в Москве бар сомнительней, чем «Скрипач и Мефистофель», то я его, к стыду своему, не знал. Костя, наверное, знал, но вряд ли бы выдал мне эту тайну уличных псов. Так что я пригнул голову и пробрался в подвальное помещение в забытом ветром переулке.

Из хрипящих динамиков в тяжелом воздухе ревел Anthrax. Половина лампочек не горела, а вторая горела так слабо, что напоминала свет спрятавшейся за тучами луны. И далеко не полной. Однако хмурый взгляд лысого бармена это разглядеть не мешало.

Я без особого труда нашел свободное место, заказал у недоброго вида официантки темного пива и с интересом начал рассматривать посетителей бара. Охота, по сути, началась.

Справа от меня мрачно развлекалась группа то ли панков, то ли кого-то здорово на них похожих. В субкультурах я был не слишком силен. Парни давили жидкое пиво и как-то неестественно смеялись.

Девушка с разноцветными волосами печально смотрела в глубину бара.

Дети... неважно сколько им лет. Важно, что они так и не выросли. Может быть, социум не пустил их, когда они этого так ждали, а может, наоборот, сами не захотели входить туда, где станут, как все. Что ж, теперь они не как все. Теперь они еще хуже. Впрочем, для панков это не грех. Если они, конечно, все-таки панки.

Существует два типа асоциальных групп. Первые стремятся влиться во враждебный к ним социум. Вторые же, наоборот, хотят из социума вырваться. И если у первых задуманное нередко получается, то второй вариант заканчивается, как правило, либо полным перевоспитанием, либо изрядным ограничением подвижности. Похоже на элитный клуб, войти в который сложно, а выйти, увы, невозможно. Кстати, у меня в этом клубе почетное членство.

– Мой добрый друг, – голос вынырнувшего из полумрака Кости был полон сарказма. Не было у него друзей, и тем более добрых.

– Как жизнь, Ремень?

– Бесподобно, – он мрачно ухмыльнулся. – Где пиво?

Пиво появилось минут через пять, составив компанию паре двойных виски. Костя молча залил в себя виски, пиво, стряхнул пену с неухоженных усов и подозрительно уставился на меня.

– Чего тебе нужно, писатель? – тактом Ремень не отличался.

– Приятное общество, – я глотнул виски.

Удивить Костю было непросто. Он перепробовал все – от героина до сифилиса, и продолжал пробовать дальше. Но моя бесхитростная просьба, похоже, произвела на него должное впечатление. Редко кто мечтал о подобном обществе.

– Уверен, что ко мне?

– Более чем.

Я заказал у проходящей мимо официантки еще пива и на этой ноте Ремень сдался.

– Если задумал плакаться, то лучше сразу отваливай! – предупредил он и прикончил виски. – А если просто нажраться, то оставайся.

– Не просто нажраться, – я зловеще усмехнулся. – С продолжением.

– С каким еще продолжением?

– Достойным этого места и этого пива.

– Недетское продолжение, Саня. Ты вроде небольшой любитель таких дел?

– А я не из-за любви.

Костя Ремень радостно засмеялся и даже стукнул о мою кружку своей.

– За нелюбовь! – громко провозгласил он и уткнулся в меня хитрым, прищуренным глазом. – А из-за чего тогда?

– Для книги.

– Хорошие ты книги стал писать, Саня, – заключил Константин и потянулся к новой кружке. – Честные.

– Стараюсь.

Честные книги не появятся в этом мире еще очень долго и уж точно не с моей подачи. Поиск тропинок на ту сторону социума – слишком экзотический предмет для встречи. Но как же хотелось бежать по этой истоптанной тропинке. Бежать и оглядываться. Постоянно оглядываться. И не упустить тот раненый миг, когда, наконец, сменится пейзаж. Если, конечно, сменится.

– Как музыка? – одна из немногих тем, которые не вызывали у Кости неприкрытой агрессии.

– Все дальше от меня, – Ремень потихоньку напивался. – Скоро в барабан перестану попадать. Так куда двинем? – он допил пиво и треснул кружкой об стол.

– Туда, где не светит солнце.

– Это где?

– Я думал, ты знаешь.

– Знаю, – он глухо засмеялся. – Ни солнца, ни звезд. Сплошные сумерки мира.

– Самое место для нас с тобой.

Минут через пять мы вышли из бара, поймали машину с содранной тонировкой и отправились на ней в сумерки этого мира. В охотничьи уголья, о которых я так недолго, но столь искренне грезил. Трубят рога, лают борзые, в страхе разбегаются грызуны и парнокопытные. Осталось выбрать цель. И не жалеть ни патронов, ни шкуры. Когда еще придется поохотиться?

Я задумался и не отсек момента, когда мы приехали. На безлюдной улице высилось мрачное недостроенное здание с черными провалами окон. Я вопросительно посмотрел на Ремня. Тот кивнул и зловеще усмехнулся.

– Здесь никогда не скучают.

После такой рекомендации устоять было невозможно. Мы прошли мимо невнятного ограждения и пробрались в здание. По дороге Костя организовал для меня краткий экскурс.

– Лет пять назад дом бросили строить, и здесь стихийно образовалось сообщество по интересам.

Условное название «Десятка», – Ремень усмехнулся. – Какой-то умник решил, что за все здешние грехи девяти адских кругов будет маловато и рогатым парням надо срочно браться за циркуль и чертить десятый.

– Секс, наркотики и рок-н-ролл?

– Не так все просто, писатель.

Мы пробирались вверх и вглубь по узким лестницам и скрипящим доскам. Через несколько минут я услышал первый звук – чей-то приглушенный, яростный крик. Шаг за

шагом, и вот вокруг нас сомкнулась какофония агрессивной музыки и невразумительных воплей.

Мы вышли на широкую площадку, в центре которой с мрачной отрешенностью дрались два человека. Оба худые, с изможденными лицами, они явно не были бойцами по жизни. Неумелые движения отчасти компенсировались звериной яростью и активной поддержкой со стороны многочисленных зрителей.

– Бойцовский клуб? – такого я признаться не ожидал.

– Бойцовский клуб, это для первокурсниц. Здесь все по взрослому, – Ремень махнул какому-то знакомому. – Сюда не от нечего делать идут. Идут за деньгами и наркотиками. Победишь, получишь столько, чтобы не сдохнуть еще неделю.

– И много желающих?

– Хватает.

– Драться или смотреть?

Я обернулся. На нас равнодушно взирал высокий, широкоплечий мужик с давно переломанным носом.

– Поглядим. Давай два косяра, – рука Ремня метнулась ко мне, приняла деньги и переправила их в карман местной стражи.

– Призовой фонд?

– А еще арендная плата и ментовская доля.

– Я смотрю, все серьезно.

– Серьезное только начинается.

Мы подошли к импровизированному рингу. Победитель пока так и не выявился. Хотя я бы отдал предпочтение татуированному субъекту с безумным взглядом и разбитым ртом. Он элементарно был больше своего конкурента. Больше и страшнее. Чем не повод?

– Ставить будешь? – Ремень с азартом смотрел на гладиаторский бой.

– Может, потом? – у меня с азартом вышла какая-то заминка. – А бывало до смерти?

– Здесь много чего бывало. И до смерти и еще хуже.

В этот момент мой татуированный фаворит полетел на бетонный пол. Похоже, я верно воздержался от ставки. Однако, как оказалось, это был далеко не конец. Его еще долго избивал бледный, бритый наголо человек с исколотыми руками. В черных глазах его горели злость и радость. Одно подарило ему другое.

Поверженного бойца оттащили куда-то за пределы света, а скалящегося победителя без особого чествования увели в другую сторону, видимо, за долгожданной наградой. Пленяющий финал.

Почти сразу же на арену вышли новые бойцы. У обоих были усталые глаза и тревожные лица. Да, пожалуй, лучшего места для охоты мне действительно не найти. Но, чтобы понять волка, придется залезть в серую шкуру. Ну или хотя бы просто набросить ее на плечи.

– Хочу попробовать, – я весело посмотрел на Костю. – Что нужно сделать?

– Нужно окончательно спятить! – Второй раз за день мне удалось удивить Ремня. Недостижимый рекорд. – Это тебе тоже для книги? Последняя глава?

– Если бы последняя, – я мрачно усмехнулся.

– Ты не сможешь, – Костя покачал головой. – Здесь мало хотеть драки. Нужно понимать, что позади тебя Ад, нижний ярус.

– С чего ты взял, что я не понимаю?

– С того, что ты, писатель, живешь в отличной квартире и давно не пьешь алкоголь дешевле косяра за бутылку. Откуда ты знаешь, что такое Ад? Вот этот, вполне земной!

– Вот и узнаю. Эй, командир! – я поймал взгляд местного громилы. – Я участвую!

– Через два боя! – громила оказался невозмутим. – Правила знаешь?

– Никаких правил? – предположил я.

– Никакого железа, никаких отказов, никакой ответственности. В больницу своим ходом. За победу двадцать кусков. Либо сразу дурью. Усвоил.

– Усвоил, командир, – я лучезарно улыбнулся. – Никакой ответственности.

Никакой ответственности! Мечта этого мира! Дайте автомат и скажите, что мне за это ничего не будет! Ох, как же здесь все заждались автоматов. Как же все хотят и не могут. Ведь ни один поступок не останется безнаказанным. А почему? Да потому, что вас слишком много, а значит, кому-то это обязательно не понравится. И он что? Совершенно верно. Он тоже возьмет автомат.

Я не волновался. Бог будет драться с человеком. Уже повод для слез. Я не дам себе большего. Минут через двадцать-тридцать меня будет бить незнающий, где завтра проснется, наркоман. А я должен буду бить его в ответ. Возможно, на меня даже кто-то поставит. Темная лошадка. Новая возможность. Или, скорее, случайный неудачник со странно заинтересованным лицом. Давайте! Ставьте последний рубль!

– Если упадешь, закрой голову. Не пытайся уползти. Только больше разозлишь, – в голосе Ремня было изрядное сомнение.

– Поставь на меня, – я достал из кошелька все деньги.

– Уверен? Много все равно не выиграешь.

– Ну, пожалуйста.

– Ну, ты в конец тронулся, писатель, – Костя с неохотой взял деньги.

А через полчаса я стоял напротив паренька лет двадцати. Он смотрел на меня с ненавистью и легкой опаской. Ему приходилось смотреть. За его спиной был Ад, и он не желал оборачиваться.

– Начали!

Мой противник бросился вперед. Сломать, загрызть, растоптать. Он хотел так многого, но только с одним итогом. Его мир сжался до размеров этой жалкой арены. Арены, которая всегда мала для двоих.

Драться я не умел. Да и не любил. Но мне и не нужна была драка. Это было просто необходимым условием. Мне нужен был вот этот обезумевший от гнетущей жизни человек. Его злость, его страдание, его жажда. И его ненависть. Ненависть, которая даст мне пару ответов. Конечно, все это при условии, что я останусь жить.

Навыков рукопашного боя мне хватило бы для схватки с усталой старушкой. Применять их лучше даже не пытаться. Пусть мне их заменит ненависть. Ненависть бессильного бога.

Я зарычал и, наклонив голову, врезался в своего врага. Я бил, кусал, получал удары и укусы. Ненависть на ненависть. В этой схватке у человека не было шансов. Он так мало знал, а значит, так мало ненавидел. Я же ненавидел все, что касалось моего взора и разума. Ручей против океана. Давид против стада Голиафов. И, что характерно, Давид был без пращи.

Я в последний раз ударил его по лицу. Уже без необходимости. Так, pro forma. Вокруг редела толпа. Ей нравилась кровь – и кровь чужая. А коль скоро эту кровь подарил ей я, то, значит, и мне пока быть в фаворе. Ах, как я рад!

Я поднялся на ноги и с печалью посмотрел внутрь себя. Ну и что? Что ты понял? Что упасть легко? Что на дне не найдешь света? Боюсь, что все это ты давно знал. Но разве охота не только началась? Разве стану я измерять свое дело минутами? Как жаль, что для моего дела нет веков.

– Ну, ты дал, писатель! – Костя Ремень был уже рядом и протягивал мне открытую бутылку пива. – Эту книгу я куплю!

– Деньги? Дурь?

Мне предлагали приз. Хотя подобным тоном скорее стоило спрашивать из чего меня застрелить. ПМ? АК? СВД?

Я взял деньги.

- Как сам? Ничего не сломал? – Костя хлопнул меня по плечу.
- Вроде, нет, – я выпил пива. – Нои толку чуть.
- Двадцать косарей, чем не толк? – Ремень рассмеялся. – Плюс еще десятка за ставку.

Прогуляем?

- А что еще делать с тридцатью косарями?

– Не знаешь? И я не знаю! – Косте явно нравился сегодняшний вечер. – Только давай задержимся. Давно здесь не был. Успел соскучиться.

Мы задержались, и я еще долго смотрел на них. На людей, которые били друг друга в надежде прожить следующий день лучше, чем прежний. И на людей, для которых это был повод весело провести время. Их с легкостью можно было поменять местами, и мир бы этого даже не заметил. Какая, в сущности, разница, кто будет рычать, а кто смеяться? Главное, что будет. Главное, что ни на миг не остановится эта изумительная карусель. Не погаснут развеселые малиновые фонарики.

- Я на тебя поставила.

Я оглянулся и увидел пухлогубую блондинку с глубокими хитрыми глазами. Она явно желала развития разговора и, возможно, развития стремительного. Здесь, вообще, любят стремительное развитие. Боятся его, но искренне любят. Любят тот момент, когда шлешь все к крылатым чертям и набрасываешь на разум залатанную вуаль.

- Поздравляю.

- Взаимно.

Я отвернулся и продолжил смотреть бой. Я не хотел эту женщину. Это был уже пойманный зверь. Пойманный и жалкий. Не тот трофей, что был мне нужен. Так что пусть эти губы достанутся кому-то менее достойному. Девушка не уходила, и я обернулся для того, чтобы окончательно обозначить свою позицию. Мой взгляд упал на затейливую татуировку на ее оголенном плече. На ней был изображен какой-то анималистический гротеск. Помесь гиены, цапли и тарантула. И все это в лихой пиратской шляпе.

- Это Тот, кто вечно ждет нас. – Она, конечно, заметила мой взгляд.

- Что-то из мезоамерики?

- Нет, – она улыбнулась. – Это не бог. Это – дорога.

- И куда она ведет?

- А куда бы ты хотел попасть?

- Понятно... – разговор ожидаемо терял смысл.

– Ничего тебе не понятно, – девушка снова улыбнулась и взяла меня за руку. – Он ждет нас именно для этого. Чтобы проводить по выбранной дороге. И выбирает не он, выбираем мы. Он просто подскажет.

– И что он хочет за свою доброту? – За доброту ведь всегда что-то хотят (а иногда даже требуют).

- Он просто займет твое место в начале пути.

- Место каждого?

- Каждого.

- Значит, в итоге останется только он?

- Чтобы снова вечно ждать нас.

- Неужели мы вернемся?

- Кто знает? Ведь только мы выбираем свои дороги.

- Мы говорим о смерти и перерождении?

- Мы говорим, о том, что каждому из нас порой хочется уйти.

Я ошибся. Этого зверя мне еще ловить и ловить. Этот зверь живет в собственном зачарованном лесу, и, чтобы поймать его, придется вооружиться заколдованным мечом и волшебной палочкой. Она хочет уйти, и она создает для этого инструмент. Наивный и изначально

непригодный, но здесь важен не результат. Важна цель, важно стремление к цели. Надежда на отречение от социума через рамки и запреты мира.

– Думаешь, меня он тоже ждет?

– Он ждет всех.

– Длинная очередь.

Она засмеялась.

– Пойдем со мной. Сделаешь первый шаг уже этой ночью.

– Надо посоветоваться с товарищем.

– Для него тоже найдется дорога.

– Он будет счастлив. Как тебя зовут?

– Лера.

Костя Ремень был счастлив. Вернее необратимо пьян, но для него это было одно и то же. Его безумные глаза бесцельно бродили по этажу, не находя призовой секунды, чтобы остановиться.

– Ремень, ты как?

– Как-то так, – он сделал пару резких движений руками. Похоже, сыграл соло на тарелках.

– Пойдем, нас там ждут.

– Подождут! – Костя погрозил им пальцем. – Сволочи! Ботва червивая! Крысы сортирные!

– Но нас, правда, ждут.

– Ладно! – Ремень пьяно рассмеялся. – Пошли, писатель!

Я не разобрал названия на замысловатой вывеске. Узкие ступени, тяжелая дверь, а за ней красноватый полумрак и музыка, навевающая образ Будды, нюхающего фиалки. Лера уверенно шла мимо широких, утопленных в стенах диванов. Сзади Костя бормотал что-то про коньяк и беззубых вампиров.

– Садитесь, – девушка махнула рукой перед огромным диваном, на котором уже сидело человек пять. Видимо, адепты своей беспомощной веры. В другое время их бы за эту беспомощность могли сжечь на костре. Но в этом веке нравы стали куда мягче. Теперь у них есть шанс умереть естественной смертью.

Нам лениво махнула пара рук. Я отдал ответное приветствие и опустил на приторно мягкие подушки. Справа от меня рухнул Ремень, слева изящно приземлилась Лера. Ну что? Началось?

Нет, не началось. Единственным эмоциональным действием следующих двадцати минут оказался беспокойный храп Константина. А так все очень мило, – кальян, чай, какой-то легкий алкоголь. А где же извилистые, убегающие за горизонт дороги? Где надежда на иное место и время? Где Тот, кто вечно ждет меня? Где он, эта потусторонняя придурь? Почему я не вижу его жадных глаз?

– Так, где дорога?

– Моя передо мной, – Лера не удивилась вопросу. – Твоя не дальше моей. Тебе осталось просто сделать шаг.

– Расскажи про свою. Расскажи, куда ты идешь? И объясни почему? И зачем тебе твой кумир?

– Куда? – она беззвучно рассмеялась. – Я не знаю, куда я иду. Не надо считать меня религиозной фанатичкой или сумасшедшей. Я знаю, что никуда не уйду, но разве это повод стоять на месте? Так проще. Проще, когда веришь, что у тебя есть дорога. А на этой дороге тебя вечно ждут. И я буду верить. Всегда буду верить, потому что иначе мне просто расхочется жить.

– Разве в жизни мало прекрасного? Мало красоты?

– Не мало. Конечно, нет. Но слишком для многих эта жизнь идет по другую сторону рассвета. И им остаются только грязь и монотонная тоска то скорбно долгих, то невыносимо коротких дней. Ты же сам сегодня ставил свою жизнь против горстки денег. Ты должен понимать.

– Я понимаю.

Странно было говорить, но я действительно понимал эту женщину. Впервые я так хорошо понимал человека. Наверное, потому, что человек хотел того же, что и я. Человек хотел того же, что и бог. Явное свидетельство моей полной деградации. Я бросил обрывок взгляда на наших соседей.

– Вы все в это верите?

– Не знаю. Вера ведь только для двоих. Остальные о ней ничего никогда не узнают. Только ты и Он, Она, Оно.

– То есть каждого ждет кто-то другой?

– Конечно.

– А если я вижу только пустоту?

– Значит, твоя вера слаба, – она грустно засмеялась.

– Но ведь дорога все равно остается?

– Лишь пока остается твоя вера. А когда ты перестаешь верить, то она вдруг разворачивается, и ты уже идешь не вперед, а назад. К вялой трясине дней.

– Зато у вас тут, я смотрю, карнавал.

– Здесь ты прав, – та же тоска, никуда ее не спрятать.

– Так каков тот мир, на котором кончится твоя дорога?

– Там проще, – Лера прикрыла глаза. – Там гораздо проще. Там не надо думать о том, как выжить. Там, вообще, не нужно выживать. Только жить. И улыбаться рассвету.

– Классическая утопия.

– Что плохого в классических утопиях?

– Просто всегда ищешь чего-то нового, неповторимого. А потом, оп-па! В твоей такой свежей, такой светлой мечте уже изрядно потоптались. И вся она стала какой-то унылой и потасканной.

– Мне жаль твои мечты.

– А мне нет! К чему жалеть унылые мечты?

– Порой стоит пожалеть каждого.

– Отличная у тебя вера. Сплошные мечты, никакой схоластики.

– Что такое схоластика?

– Это когда ты учишься отличать красное от кислого. Глупость, в общем. Но логически верная глупость.

– В мире, вообще, много глупости, правда?

– Парикмахерские для собак.

– Безалкогольное пиво.

– Крестовые походы.

– Керлинг, – Лера усмехнулась. – Но ведь для кого-то это важно. Иногда для многих.

– Разве это отменяет глупость?

– Просто странно, когда один судит многих. Может, это не они? Может, это он дурак?

– А может, все дураки?

– Это бы закончило многие споры, – девушка рассмеялась. – Но кто захочет быть дураком?

– Я думаю, что это будет очень смелый человек. И очень честный. Тот, кого вряд ли встретишь в этой короткой жизни.

– Только в конце дороги.

– Ну, если только там.

Я закрыл глаза. Тот, кто вечно ждет, изумленно смотрел, как я выбираю свою дорогу. Выбираю долго и придирчиво. Выбираю длину и высоту, твердость и цвет. Вот только конец я не мог выбрать. Не было на ней конца. Слишком далеко, слишком долго идти. У таких долгих дорог конец всегда раньше, чем ожидаешь. Маленький бог в ужасе прикрыл лицо дрожащими ладошками. Я пожалел коллегу. Я открыл глаза.

Стрелки часов подбирались к четырем утра. Самое время для сна. Или для бессонницы. У кого как. Мне стоило взять хоть что-то. Я тяжело поднялся и похлопал по плечу Константина.

– Уже уходишь? – голос Леры был тихий и безразличный.

– По дороге из серых камней...

Я без улыбки кивнул девушке, растолкал Ремня, и мы, поддерживая друг друга, выбрались на влажную, холодную улицу. Костя утомленно осмотрел темные здания и решительно попрощался. Он прожил еще один день и был этим вполне доволен. Ему было плевать – доволен ли остался я.

Надо было поймать попутку, но мне хотелось пройтись. Я шел сквозь грезящий последним сном город. Шел в усталом недоумении того, кто так много старался, но ничего в итоге и не добился. Как будто и не было злой и яростной охоты. Как будто я просто перепутал день недели и вышел на работу в выходной.

Я прошел по укрытому тьмой мосту и на другом его конце застал очередную трагедию этой нелепой жизни. За перилами в бледном свете одноглазого фонаря стояла худенькая девушка. Она робко покачивалась, то приближаясь к бездне, то отдаляясь от нее.

– Хочешь спрыгнуть? – я остановился.

Девушка тихо вскрикнула и резко обернулась,

едва не сорвавшись вниз. В темных глазах блеснули боль, страх и неверие. Полный набор консервативного самоубийцы.

– Я прыгну, – голос был упрям, но надломлен.

– Правильно, – я с интересом рассматривал ее. – Давай! Все равно тебе не дожить до пятисотого дня рождения. Так к чему размениваться на мелочи?

– Я прыгну, – снова повторила она, как молитву. Последнюю молитву, я полагаю.

Я был в легкой нерешительности. С одной стороны, я действительно очень хотел спать. Но, с другой, что может быть асоциальнее самоубийства. Разве не пленительно обогнать время? Надежно избавить себя от рамок социума. Узнать, что там, на той стороне.

– Он тебя бросил?

– Да... – она недоверчиво смотрела на меня.

– Злодей, – я поощрительно улыбнулся.

– Уходите! Оставьте меня!

– Но я хочу рассмотреть твою смерть поближе. Разве тебе не все равно?

Похоже, ей было не все равно. Понять, конечно, можно. Неприятно, когда в такое личное дело так нагло лезут ногами вперед. Трагедия резко превращается в цирковой фарс. А кто захочет, чтобы его смерть стала фарсом?

– Уйдите!

– Спрыгнешь, уйду.

Она смотрела на меня, широко раскрыв заплаканные глаза. Она не понимала меня. Я испортил ей такую красивую смерть. Она ведь даже не желала смерти. Она просто хотела красиво и скорбно уйти. Чтобы плакали, чтобы он плакал. Не может здесь быть ничего асоциального. Только не у нее. Она ведь просто хочет любви, пускай и заочной. И даже не просто любви, а любви конкретной. Она легко может дать список имен.

– Давай, не тяни. Я хочу спать.

Девушка медленно перелезла через перила, не отводя от меня полного страха взгляда. Она так испугалась моего ночного вторжения, что даже расхотела умирать. Теперь она страстно желала жить, но только без меня. Условие обязательное и достаточное.

– Живешь назло мне. Тоже причина.

– Козел!

Она убежала в темноту, а я пошел ловить машину. Через полтора часа я лежал на диване и погружался в давно рекомендованный сон. Неудачная получилась охота. Ни трофеев, ни стрельбы. Сплошные холостые патроны. Может быть, завтра? Конечно! Конечно, завтра все будет намного успешнее. Конечно! Разве когда-то бывало иначе?

Пронзительный телефонный звонок ворвался в мой заполненный сновидениями разум, словно проректор в мирно дремлющую аудиторию. Я посмотрел на номер и не стал брать трубку. Ирина. По поводу книги. Порадовать ее мне было, увы, нечем.

Тем не менее я с грустью встал, долго стоял под горячим душем, а потом пил кофе. Все так же долго и грустно. Ирина звонила еще раз, и я опять оставил ее без ответа. Может быть, отвечу позже. Может быть, позже у меня будет, что ей сказать.

Ну, а что мне сказать вам, мои пострадавшие героини? Ведь вы заканчиваете свою странную, нездешнюю дорогу. Вы уходите от меня. А я прощаюсь с вами. Недолго мы были рядом. И я, признаться, рад, что скоро позабуду о вас. Ведь не до вас мне сейчас. Вы же сами видите, что мне не до вас.

А вы смотрите друг на друга и не видите тех, кого любили, кого желали, в чьих объятиях были готовы умереть. Не видите свое прошлое и будущее. Вы видите просто людей. Ах, как же скучно и тоскливо вам их видеть. Обычных людей, которые когда-то были целым миром. Но вы уже начали забывать, когда это было. Я помогу вам забыть это до конца.

И будут крики, и будет обжигающее молчание. И слезы, и горький смех, и прощальная сухая страсть. Он тонет, ваш не доплывший корабль, и вы, два капитана, стоите на мостике, погружаясь в холодные синие волны. Вы сделали все, чтобы спастись. Но этого оказалось мало.

Вы идете в разные стороны, настойчиво смотря под ноги, старательно не поднимая глаз. Вы не обернетесь. Поздно, ведь, обернувшись, вы увидите... Ничего вы уже не увидите. Все уже прошло. Умчалось, пронеслось, утекло в залив брошенных дней. Вы не обернетесь и не посмотрите вперед. Только под ноги, на глупую, суетливую дорогу.

Третий звонок. Что ж, я не настолько бестактен.

– А я все думал, когда позвоните?

– В смысле, когда позвоню опять?

– Вы сегодня прекрасно выглядите.

– Что с книгой? – голос у Ирины был откровенно озабоченный.

– Последние штрихи.

– То есть не готова?

– Страниц десять осталось.

– Ну хоть что-то, – голос Ирины немного смягчился. – Нов среду крайний срок.

– В среду, так в среду.

– Давайте, Александр! Последний рывок! До связи.

Ирина повесила трубку.

Интересно успею до среды. Должен. Хотя по опыту знаю, что последние страницы тянуться особенно долго. Но снова я не о том. Не о том мне надо думать. А о чем? Снова об асоциальности? О новой охоте? Сложно представить, что она мне даст больше, чем первая.

Хотя, быть может, я просто не там охотился? Не в тех угодьях? Но где тогда? Может, не внизу, может, наверху. Но наверх пробиваются только через социум. Только социум способен сделать короля не на словах, а на деле. Короля, гения, чемпиона. Разве станешь чемпионом в забеге с самим собой? Где же там охотиться? И что это будет за страшный зверь?

Снова зазвонил телефон. На этот раз звонил Безладов. Я сразу вспомнил о двух трупах во дворе безымянного дома. В голове всплыли казенные фразы из уголовного кодекса.

– Привет, Володя!

– Здорово, Саня! – снова этот отвратительно бодрый голос. – Живой?

– Почти.

– Ну, раз живой, приглашаю тебя на день рождения!

– У тебя день рождения?

– Да ты просто доктор Ватсон! Угадай, когда!

– Сегодня?

– Арчи Гудвин! Мисс Марпл! Горжусь тобой! А я-то думал, ты забыл!

– Ну, как я мог. С днем рождения, Володя.

– Благодарю, – Безладов рассмеялся. – Сегодня, после семи, у меня на даче. За тобой заехать?

– Было бы очень кстати, – дача у Владимира была в Подмоскowie, а автомобиля у меня не было.

– Заеду в пять. Будь готов!

– Не опаздывай.

Я повесил трубку и посмотрел на часы. Оставалось три часа на поиск достойного подарка. Интересно, сколько ему исполняется. 42? 43? 44? Так ли это интересно?

В баре у меня стояла бутылка неплохого виски, а в мастерской более-менее приличная вариация на тему женской красоты. Этим вполне можно было ограничиться. Картину он, правда, может, и выкинет, но виски точно выпьет.

Удовлетворив этим свои моральные обязательства, я два часа прилежно выписывал мой пережженный финал. Дай мне уйти! Так уходите! Вперед! Быстрее! Я тоже хочу расстаться! Хочу стать одиноким и свободным! Ну же! Почему я так медленно пишу? Сколько можно уходить? И не надо так смотреть. Не надо так жалобно дышать в трубку. Я уже все решил. И мне уже пора одеваться.

В десять минут шестого Безладов подъехал к моему подъезду. Темно-синий «Ягуар» снисходительно поприветствовал меня ворчливым рычанием. Я пожал Владимиру руку и вручил подарки.

– Утерянный Пикассо?

– Розовый период.

– Тронут. Люблю виски.

– Неделю выбирал.

– За неделю мог выбрать и получше.

– Тяжелая была неделя.

– Кстати, – Владимир нажал на газ, – помнишь наш недавний визит к друзьям Славы?

– Как забыть.

– Так вот, пока мы гуляли, во дворе завалили двух человек.

– Ирония жизни. А ты-то откуда знаешь?

– Дама, с которой я тогда ушел, хорошая знакомая хозяйки. А хозяйка, по всей видимости, крайне любопытна и общительна.

– Достойная женщина.

– Безусловно. К слову, убили каких-то местных бандитов, у каждого по ходке. Так что плакать и рыть землю вряд ли кто будет.

Изумительная новость.

Дача у Владимира была душевная. Трехэтажный кирпичный дом, просторная рубленая баня и даже винный погребок. Впрочем, как раз вина там было не слишком много, но вот

коньяка, водки и портвейна хватило бы на маленькую армию. И батальоны уже начали прибывать.

Безладов знал много людей. Хороших и не очень, нужных и бесполезных, красивых и чертовски красивых. Разных. На любой вкус, цвет и запах. Из этих людей на свой день рождения он пригласил человек десять. При иных раскладах мне, наверное, было бы даже приятно.

Некоторых я знал, с остальными пришлось познакомиться. В основном творческая элита, но была и пара бизнесменов. Один из них подарил двустволку Holland & Holland, другой авторские шахматы из бивня мамонта. И хоть Владимир никогда не увлекался ни охотой, ни шахматами, но рад был, похоже, совершенно искренне.

А потом жаркая, душистая баня, огромный мангал, ледяная водка, ароматный коньяк, свежий апрельский ветер. И, конечно, тосты, тосты, тосты. За хозяина, за друзей, за литературу, за шашлык, за весну и за женщин. Часам к десяти тосты начали стихать, а гости разбились на группки по интересам.

Неожиданно для себя самого, я оказался в компании одного из бизнесменов. Звали его Николай, занимался он фармацевтикой, а разговаривали мы о сигарах. Ему нравились доминиканские, а мне кубинские. У Владимира оказались только кубинские, и его это печалило. С каждой новой затяжкой и новым глотком коньяка он становился все меланхоличнее и слезливее. И дело вряд ли было в сигарах.

– Ненавижу людей! – вдруг вырвалось из него.

– Неужели всех?

– Ну, – он погрузился в пьяную задумчивость, – может, и не всех. Но абсолютное большинство.

– Вот как раз большинство совершенно не за что ненавидеть. Ненависти, как правило, достойны лишь единицы.

– Ты меня не путай, – Николай налил нам еще по рюмке. – Сказал, ненавижу, значит, ненавижу. Ведь их же сотни, тысячи вокруг выются. И всем чего-то надо. Все что-то хотят. Хотят, требуют, просят, умоляют. Сволочи! Какие же все сволочи!

– Хотел бы бросить все это?

– Что бросить? Бизнес?

– Людей. Сволочей.

– Хотел бы, – он тяжело вздохнул. – А как их бросишь? Бросишь их, и бизнес забросится, и денег не будет, и не курить мне тогда больше сигар. Даже кубинских.

– Значит, ты ненавидишь тех, кто дал тебе все?

– Одно другому никак не мешает. Они ведь не только дают. Чаше отбирают.

– Значит, все по-честному. Они – тебе, ты – им.

– К ангелам такую честность.

– Тебе не угодишь.

– Хотя, знаешь, – Николай глубоко затянулся ненавистной гаваной. – Иногда ведь, правда, хочется все продать, про всех забыть и тихо жить где-нибудь на краю леса. И так хорошо становится от этих мыслей. А потом одумаешься, и снова тоска нападает из-за угла.

Вот так. Одни хотят уйти оттого, что социум не дал им ничего, а другие, наоборот, – потому что им, по сути, уже нечего предложить. Они уже взяли все, что в их силах. Больше им уже не поднять. Этим уйти гораздо сложнее. Им есть что терять. Много чего терять. Так что, как правило, они остаются и жалобно смотрят на лазурь небес из окна своего Bentley. Недолго так смотрят. Секунд двадцать. Потом звонит телефон. Ведь социум ревнив и беспощаден в своей ревности.

И все же, насколько далеко могут зайти эти люди в своей спрятанной за гроздьё улыбок асоциальности? Не стоит ли проверить? Вряд ли эта охота будет хуже любой другой. Ну что Коля, не желаешь испытать свою веру?

– И что, никогда не давал себе уйти? Хоть на день?

Он покачал короткостриженной головой.

– Никогда. Все думаешь, – смогу, смогу. А потом понимаешь, что нет. Снова проиграл, опять испугался.

– Жалко терять, да? Даже малость, горсть от горы?

– Так свое теряешь, не дядино.

– Все мы так. Хотим и не можем. Жаждем и предпочитаем скорее умереть от жажды, чем напиться из запретного источника.

– У меня семья, Саша.

– Семья, бизнес, деньги, друзья и встречи. Все вроде есть, а желаешь чего-то совершенно иного.

– На волю, – Николай грустно усмехнулся и сделал большой глоток коньяка. – Хочется на волю. Унести за леса, поля, океаны.

– В гости к сказке?

– Не бывает в жизни сказок.

Его лицо вдруг стало злым. Он вылил себе в бокал остатки коньяка и резко выпил. Потом молча встал и вернулся минут через пять с новой бутылкой. В этот раз он налил и мне.

– Сказок нет. Только откровения. Наслушаешься и сдохнуть хочется.

Дальнейший разговор я почти не запомнил. Николай много пил, много говорил и даже пытался плакать. Спать мы легли последними, и лично я был почти удовлетворен проведенным вечером.

Проснулся я от резкого лязгающего звука. Надо мной, чуть покачиваясь, стоял Николай. В руках он держал Holland & Holland. Оба красивых ствола смотрели мне прямо в глаза. Не нравился мне их взгляд.

– Сука ты, – Николай тряхнул головой. – Вставай. Выходи, – он повел ружьем в сторону двери.

Спал я, к сожалению, на веранде и, к двойному сожалению, в полном одиночестве. Можно было, конечно, закричать, но друг мой Коля был уже не настолько пьян, чтобы промахнуться с двух метров. Но, увы, и не настолько трезв, чтобы в полной мере осознавать свои действия и их неминуемые последствия. Так что я вышел из дома и с некоторым извращенным интересом стал ожидать дальнейшего развития событий.

Особого страха я не испытывал. Все же я еще не настолько дорожил выданной мне жизнью. Но и радости, что характерно, не было. Все-таки сомнительно, что отсутствие жизни доставит мне хоть сколько-то удовольствия. В общем, сплошная нерешительность. К тому же еще так темно.

Николай остановился напротив и пару минут нетвердо стоял, целясь в меня из двустволки. На губах его застыла горькая, истеричная усмешка.

– Сука, – повторил он, наконец, с плачущими интонациями. – Ненавижу тебя. Всех ненавижу, но тебя ненавижу первого.

Я предусмотрительно промолчал, понимая, что этот монолог лучше не прерывать. Руки у Коли изрядно дрожали.

– Зачем ты со мной говорил? Знаешь, что я сейчас делал? Знаешь? Плакал! Как овца, плакал! Жил ведь и жил! Пусть несчастливо, зато хорошо. Сладко ел, всех имел! А как теперь? Куда мне теперь идти? Везде же эти козлиные рожи! Пляшут, хохочут и тебе губы растягивают, чтоб тоже улыбался! А я не хочу! Не хочу больше улыбаться! Некому мне улыбаться! Ну! Что молчишь?!

– Заслушался. Все жду, когда взойдет солнце и моя козлиная рожа превратится в архангельский лик.

– Вот убью тебя, – продолжал между тем мой недавний собутыльник. – И все. И в бега. Деньги в карман, самолет до жарких стран, а там начать все сначала. Новое имя, новая жизнь. Легкая, светлая жизнь.

– Где ж ты видел легкую, светлую жизнь, Коля? – Я все-таки не выдержал. – Это как раз из тех сказок, в которые ты не веришь.

– Сука... – проскрежетал Николай. – Заткнись!

– Я к тому, Коля, что когда ты меня убьешь, то тебе станет еще паршивее. Ведь ты поймешь, что я был прав.

– Сейчас проверим.

– Ты ведь убьешь единственную козлиную рожу, которая тебя очень хорошо понимает. Которая так похожа на тебя. Ты ведь тоже козлиная рожа, Коля. Только близорукая. Никак не разглядишь в зеркале свои вторичные козлиные признаки. Опомнись, в жарких странах козлов еще больше, просто они в панاماх.

– Вот видишь, – печально протянул он. – Снова ты мне все переломал. Ну что ты за человек?

– Тот еще человек.

– Ненавижу...

– Взаимно.

– Хорошее ружье, – неожиданно сказал он. – У меня такое же. Я из него кабана убил в прошлом году.

– Может, и в этом убьешь кабана? Он ведь гораздо толще и симпатичнее меня. Он будет так рад.

Николай посмотрел мне в глаза тяжелым, скорбным взглядом и медленно опустил ружье. В его пьяной, ссутулившейся фигуре сквозило мировое отчаяние. Безнадежность последнего листопада.

– Сука... – прошептал он мертвым голосом и вошел в спящий дом.

Я с грустью посмотрел на ночное звездное небо. Большая Медведица сонно махала мне мохнатой лапой. Сука я, видите ли! А сам он герой-драконоборец! Рыцарь в заблеванных доспехах. А виноват, конечно, я.

Конечно, не я! Виноват коньяк, много коньяка. Интересно, что этот стрелок расскажет мне завтра? Еще одну слезливую историю о страшной ошибке? Так ли он ошибся? Где-то на пару другую рюмок.

И все же забавные плоды дала его выпрыгнувшая на волю асоциальность. Бесцельная, обреченная, она все равно ищет путь к спасению своего мертво-рождения. И вот они! Несмелые, жалкие, проигранные попытки. Социуму достаточно потянуть лишь за одну веревку. А таких веревок у него сотни. И каждая прочна, как вера еретика.

С Николаем мы встретились утром. В бане. Он смотрел на меня затравленным взглядом и долго ждал, когда мы останемся наедине.

– Прости, Саша, – сказал он наконец, дождавшись момента. – Прости дурака. Не знаю, что на меня нашло. В жизни такой ерунды не творил. Страшно вспоминать.

– Ружье хоть заряжено было?

– Да, – он опустил глаза.

– Бывает, Коля, – у меня эта ночь оставила минимум переживаний. – Половина от твоего следующего кабана – и в расчете.

– Спасибо, – он сжал мое плечо. – Еще раз прости.

После бани Николай сразу уехал. На меня он больше не смотрел. Сколько же правды сказал он вчера и сколько сегодня? Ведь убил бы. С радостью бы меня убил, если бы знал, что это поможет. Всех бы в доме перестрелял. И в соседних домах. И не перед кем ему было бы извиняться поутру.

- Не торопишься? – Безладов, как всегда свежий, незаметно подошел ко мне.
- Зависит от альтернативы.
- Тут рядом еще один день рождения празднуют. Надо съездить. А один не хочу.
- Я без подарка.
- Что-нибудь найдем. Мне много барахла надарили.
- Пить не буду. Не могу больше.
- Ну и будешь сидеть трезвый, как куропатка.
- Заманчиво. Но завтра, по любому, домой.
- Все не допишешь?
- Последние аккорды.
- И как в целом?
- Гениально!
- Совсем как у меня, – он зевнул. – Сейчас всех провожу и поедем.

Разъехались все часа через два. К этому времени я, несмотря на свои обещания, все же успел выпить стакан портвейна. В голове образовалась нехорошая пустота. Пустота, в которой не найдешь облегчения, только еще большую тяжесть. Пустота усталости и непонимания.

Я очень не хотел в один распрекрасный момент оказаться на месте Николая. Не хотел плакать по ночам и извиняться утром. Не хотел с разрубающей ясностью осознавать, что уже ничего не изменить. Зачем что-то менять? Ведь все скоро закончится. И, конечно, начнется снова, но уже без моего участия.

– Саня, не спи! Едем!

Едем, едем, не уедем. Я неловко встал и направился к машине.

Когда мы подъехали, я понял, что у Владимира была очень маленькая и скромная дача. Не дача даже. Так, сарай в закутке жизни. Здесь же за огромными чугунными воротами располагался едва ли не замковый комплекс, украшенный ухоженными насаждениями и античными скульптурами. В глубине угадывались пруд и теннисный корт. В общем, судя по всему, на этом дне рождения все-таки стоило выпить.

– Думается, тут после прошлого дня рождения не всех нашли, – я с сомнением смотрел на открывшееся великолепие. – А я без галстука.

– Расслабься, – Владимир припарковал машину. – Здесь довольно либерально.

– А что с подарками?

– Я отдам шахматы. А ты Пикассо.

– Утраченного?

– Розовый период.

– Не жалко.

– Не время сейчас для жалости, Саня! Ох, не время... – он кивнул в сторону. – А вот и наша хозяйка.

Про хозяйку я уже знал, что звали ее Полина, а больше мне знать было и не надо. По крайней мере, в этом Безладов убедил меня довольно легко.

Эффектное каштановое каре, спокойные карие глаза, уверенная улыбка. Красивая женщина. Нос, правда, длинноват, но по сравнению с четырехэтажной цитаделью это же совершеннейшие мелочи.

– Владимир, – раздался голос мурлычущей пумы. – Я так рада, что вы приехали. А кто ваш друг? – слабо заинтересованный взгляд на меня.

– Александр, – представился я. – Брат Владимира. По перу, разумеется.

– Очень приятно, – Полина блеснула глазами. – Пойдемте. У нас все только начинается.

Все только начиналось, но начиналось, явно давно. Во всяком случае, количество гостей, еды, алкоголя и общего веселья говорили как раз об этом. Женщины были изящны, мужчины дружелюбны, а официанты своевременны.

Пили за прекрасную Полину, за великолепную Полину, за волшебную Полину. За нашу дорогую Полю тоже пили. Я утомленно пил вместе со всеми. Все-таки я пил очень хороший портвейн. И все-таки надо было продолжать охоту. По крайней мере, до тех пор, пока из-за облаков не выскочит фея с корзинкой новых, чудесных идей. А еще в короткой юбке и ажурных чулках.

– Не знаете, сколько ей лет?

Заговорщицки прищурившись, на меня вопросительно смотрел лысоватый толстяк с бокалом шампанского в руке. Огненно-лиловый галстук на необъятной шее навевал мысли о яхтах и личных самолетах.

– Красивой женщине всегда где-то в районе двадцати трех.

– Хороший возраст, – толстяк одним глотком осушил бокал. – Я в двадцать три играл в водное поло.

– А я на гитаре.

– Так, может, сыграете? Я где-то здесь видел! Высоцкого? Вспомним юность!

– Боюсь, я забыл весь репертуар.

– Грешно забывать Высоцкого.

Толстяк бросил на меня укоризненный взгляд и пошел искать более достойного собеседника. А в голове, помимо воли, начал громко и яростно петь Высоцкий. Про любовь, дружбу и горы.

– Не угостите сигаретой?

Женщина. Дорогой костюм, минимум косметики, взор прохладный, но уже довольно пьяный.

– Увы, не курю сигарет.

– И мне надо бросать, – она покачала головой. – Надо, но не хочу. А вы как думаете, что важнее хочу или надо?

– Важно, чтобы страховка не подвела.

– Что?

– Я говорю, когда расслабиться, если не сейчас?

– Значит, не бросать?

– Не бросайте. Вам идет сигарета.

– Откуда вы знаете?

– Шепнул на ухо маленький никотиновый гном.

– А вы шутник!

– Только по нечетным.

– Шутки это хорошо, но тысячу шуток за сигарету! – она щелкнула пальцами и... растворилась в воздухе. Хотя нет, просто пошла стрелять сигареты.

Я немного побродил по дому. Оценил размах пейзажей в золоченых рамах, белоснежный рояль, быстроглазых официанток, туалет, куда не стыдно было бы зайти и дьяволу. Я затерялся в этом огромном доме, так же, как затерялся и в ненавистном мне мире. И я, конечно, найду выход. Но меня вновь обманут и попросят поискать еще раз. И я снова открою дверь, и мне снова скажут...

Поблуждав еще немного, я вышел на миниатюрный балкон, с которого открывался пленительный вид на лесной массив. Снег уже почти сошел, весело пробивались к солнцу первые листья, березовые стволы стояли неровной стеной храбрых новобранцев. Природа мчалась навстречу весне. Пробуждающей, обещающей, влюбляющей весне. Вечной надежде вечных желаний.

Совсем скоро распустятся цветы, яростно запоют птицы, с новой силой захочется жить, любить, мечтать. А она оглянется на мгновение, лукавым, игривым взором осветит твою непройденную дорогу и бросится дальше пробуждать, обещать, влюблять. И останется лишь

покориться ее детской упрямой воле. И никто не будет думать о том, что осень опять придет слишком рано.

– Красиво, правда?

– Пожалуй.

Я повернул голову и увидел Полину (прекрасную, великолепную, волшебную). Она расслабленно смотрела на верхушки деревьев. В руке ее полулежал пустой бокал из-под шампанского.

– Вам нравится у меня?

– Безбрежно.

– А мне понравился ваш подарок.

– Не может быть.

– Нет, в самом деле. Чем-то зацепило.

– И такое бывает.

– Вы ведь останетесь на ночь?

– Вопрос...

– Оставайтесь. Ночью будет весело, не то что сейчас. К тому же ночь так скоро.

Я посмотрел на циферблат. Полшестого. В апреле ночь начинается в где-то районе девяти. Действительно, не так долго. Когда я поднял глаза, то увидел, что меня вновь оставили в одиночестве. Все-таки очень тактичные люди.

Еще час я бездумно бродил по просторным этажам, пока не наткнулся на Безладова. Владимир находился в состоянии полного душевного умиротворения и вел легкомысленный разговор о кулинарии с добродушного вида парой лет сорока. Мне удалось ненавязчиво пристроиться в его тени и оставаться там вплоть до разрекламированной ночи.

А потом пробило десять часов, и громкий голос Полины прорезал монотонный гул истомившегося в ожидании вечера.

– А теперь все в лес! В лес, господа!

– В лес? Да по грибы? – я недоуменно посмотрел на Безладова.

– Боюсь, что нет, – Владимир сокрушенно развел руками. – В отличие от тебя, у здешних обитателей есть фантазия.

– Наша прелестная хозяйка что-то говорила про ночное веселье.

– Тогда держись. Должно быть жарко.

– Ну, значит, скорее в лес! А то еще подадут недожаренными.

И шумною толпой, презрев хмельной покой... Владимир, вы со мной? Не отставайте! Как странно и темно, но, впрочем, все равно. У вас с собой вино? Давайте!

До леса было минут семь. Полина вела нас, как Гермес своих подопечных. Из света во тьму. Из мира во мрак. И к чему эти загробные сравнения? Ведь будет весело! Ве-се-ло! И падать будем только от хохота.

Наконец мы вошли в лес. Под ногами вместо грязи я не без удовольствия обнаружил доски. Заботлива наша хозяйка, ох, заботлива. К добру ли это? Пускай будет к добру. К бескрайним просторам восхитительного добра. Пускай его раздают в стаканчиках, как мороженое. По двадцать пять рублей за стаканчик.

Бум! Бум! Бум!

Барабаны! Невидимые барабаны прорвали ночной покров, заставили удивляться, ози-раться и ждать, с трепетом ждать продолжения.

Бум! Бум! Бум!

Уже со всех сторон. Громкие, ритмичные удары. Нестихающий, бешеный бой. Какой-то языческий, древний мотив. И сразу мерещатся кентавры, оборотни и прочие лесные духи.

Бум! Бум! Бум!

– Тебе страшно, Володя?

– Еще не решил, а тебе?

– Мне стыдно об этом говорить.

Вдруг огненными стелами вспыхнули высокие костры, колдовским светом озаряя приютившую нас рошу. Ярко горели костры, а на их фоне появлялись и начинали плясать женские и полукозлиные фигуры. Дриады и сатиры, насколько я мог судить из общего замысла.

Бум! Бум! Бум!

– Друзья мои!

Я поднял голову. На высоком постаменте стояла Полина. Она смеялась и махала нам руками. Сейчас она была похожа на эльфийскую королеву.

– Сегодня праздник весны! Праздник любви! – она подняла руку, и барабаны смолкли. – Я хочу, чтобы каждый из вас забыл про свои тревоги и оставил место только для вина и веселья! Веселитесь! Веселитесь, как в последний раз! – она снова взмахнула рукой.

Бум! Бум! Бум!

– Да, масштабно, – похоже, обещанное веселье оказалось не шуткой. – Ты танцуешь, Володя?

– Когда пьяный.

– Я тоже. Выпьем?

Бум! Бум! Бум!

Вокруг нас уже начались дикие пляски. Дриады и сатиры стремительно подхватывали еще не пришедших в себя людей, заставляли их пить из больших плетеных бутылок и двигаться в такт яростным звукам барабана. Нас с Владимиром мгновенно затащили в хоровод, в центре которого извивалась стройная дриада. Она мерцала в свете костров, словно ожившая бронзовая статуя.

Бум! Бум! Бум!

Кружилась голова, перед глазами грохотало пламя. Дриада с оливковыми волосами обливала меня вином и слизывала красные капли с моих щек. Было нереально, было завораживающе. Праздник весны, праздник любви. Ожившая сказка, манящая мистерия. Легкость самой природы. Вино и танцы, мужчины и женщины. Что еще надо человеку для счастья в такую ночь? Да разве нужно что-то иное? Разве оно не испортит, не опошлит эту хрупкую первобытную гармонию?

Бум! Бум! Бум!

Я с трудом вырвался из объятий дриады, вина и барабанов. С трудом отстранился от этой прелестной вакханалии. Все-таки я был уже пьян и очень недоволен охотой. Ну а здесь мне поохотиться точно не удастся. Сюда не пускают с прицепами и манками. Весна и любовь строго охраняют свои владения.

Сейчас я на обратной стороне. На той, где люди любят друг друга, желают друг друга, хотят быть друг с другом. Я там, где социум чист и безгрешен. Там, где моя ненависть не найдет ни поддержки, ни утешения. Ересь асоциальности сейчас далеко, за лесами, за кострами.

Кто я здесь? Изгой! Мне ни за что не почувствовать этой всепоглощающей радости, этой простоты и легкости жизни. Мне не смеяться над ужимками сатиров, не восхищаться изяществом дриад, не захлебываться в водопадах вина, не греться у шатров-костров. Мне не быть здесь. Я не должен здесь быть.

Бум! Бум! Бум!

– Александр!

Возникшая из ниоткуда Полина схватила мою руку и увлекла в опаляющий танец. Она смеялась и смотрела на меня пьяными, беззаботными глазами открывающего подарки ребенка. Она торжествовала, она была эльфийской королевой, и весь лес склонился перед ней на колени.

– Я же говорила, что будет весело!

– Я вам сразу поверил!

- Вы пьяны?!
- Вот-вот буду!
- А я пьяна! Давно я не была так пьяна! Выпьем еще!
- Выпьем!

Мы выпили вина, на этот раз белого, и в зеленых глазах Полины засверкали искры эльфийского безумия. Она притянула меня к себе и жадно поцеловала. Ее губы на вкус были, как огонь, – злые и горячие. А вот я, боюсь, был немного прохладен. Впрочем, Полина этого, похоже, не заметила.

Бум! Бум! Бум!

- Я так мечтала об этом! – она обвела рукой круг костров. – Только об этом я и мечтала!
- О чем же будешь мечтать теперь?
- О том, чтобы праздник не кончился! Никогда!
- Смелая мечта!
- Просто не надо трезветь! Выпьем, Саша!
- Выпьем!
- Бум! Бум! Бум!

Она отпустила меня только через час. Пьяная, влюбленная, восторженная. Словно сама весна пришла на зов наших костров. И она не собиралась уходить. Это мы шли за ней. Шли легкой поступью лесных эльфов.

Я сделал пару шагов в сторону и неожиданно оказался в небольшой компании, которая с шумным интересом наблюдала за борьбой сатиров возле одного из костров. Выглядело все крайне эффектно. Сатиры с криками бросались друг на друга, рычали, бодались бутафорскими рогами. Мелькали мускулистые руки, веревочные хвосты, яростные оскалы. Ни один не мог взять верх, ведь им не платили за победу.

– Это, наверное, самое странное из того, что я когда-либо видела, – хрупкая барышня, не отрываясь, смотрела на кувыркающихся борцов. – Правда, Димочка?

– Я как-то видел, как дрались два Деда Мороза, – Димочка обнял свою спутницу. – Тоже зрелище еще то.

– А я как-то сам дрался с Дедом Морозом, – стоящий рядом длинный субъект коротко рассмеялся.

- Из-за подарков?
- Из-за Снегурочки.
- И как?

– Честно говоря, не помню, – длинный опять рассмеялся. – Новый год же! Все в мясо!

– А вы художник? – вдруг обратилась ко мне девушка. – Я видела, вы Полине картину подарили.

- Временами. Больше писатель.
- А я вас читала.
- Возможно. Волковский.
- Волковский! Александр?

Я осторожно кивнул.

– Я вас так люблю!

– Тронут, – я снова кивнул.

– И Димочка вас любит! Правда, Димочка?

– Правда, – чуть смущенно прогудел шкафообразный Димочка.

– А я не читал, но одобряю, – длинный неожиданно схватил и решительно пожал мою руку.

- И не читайте. Фантазия всегда лучше реальности.
- Мальчики, давайте выпьем!

– Правильно! Давай выпьем, братан! За литературу!

– За литературу!

Бум! Бум! Бум!

Я пил за литературу с людьми, которые в ней ничего не понимали. Почему я так решил? Так ведь они считали меня отличным писателем. Впрочем, не все ли равно, в чем разбирается тот, с кем ты пьешь? Это совершенно не важно, ведь говорить вы станете совсем о другом.

И я говорил, пил, смеялся. Я бросил свою бесполезную охоту на корм негаснущим кострам. Я принимал комплименты и сыпал комплиментами в ответ. Я целовал дриад и плясал среди сатиров. Этот бой был уже проигран. Как говорил один из местных, – есть армии, на которые не нападают¹. Сегодня я в плену. Сегодня меня заставят плясать, пить и смеяться. И мне не вырваться, пока не погаснут костры. Пока не смолкнут барабаны.

Бум! Бум! Бум!

Очнулся я в светлом, явно гостиничном номере. В голове шумели барабаны и скакали сатиры. Я встал и подошел к окну. За окном текла широкая, полноводная река. Глядя на реку, я с некоторым трудом прикинул, где оказался. Не знаю почему, но это утро я встречал в некоторой дали от Москвы.

Плывать почему. Я сходил в душ, оделся и заметил бутылку пива, заботливо оставленную на тумбочке. Я посидел на кровати, выпил пиво, посмотрел на реку. В голову лезли события прошлого вечера и ночи. К бесам все! Все к бесам!

Я спустился на первый этаж и подошел к круглолицей девушке у стойки. Она улыбнулась мне неширокой, дежурной улыбкой.

– Доброе утро. Скажите, я приехал один?

– Добрый день, – она улыбнулась. – Нет. С вами были еще двое мужчин и женщина. Они поселились в...

– Скажите им, – перебил я ее, – что мне срочно нужно было уехать в Москву. – И вызовите, пожалуйста, такси до вокзала.

– Конечно, сейчас, – она взяла трубку телефона.

Такси подъехало через пять минут. Я наконец додумался посмотреть на часы и увидел, что было уже два дня. Значит, с утром я действительно ошибся. Если б это была моя единственная ошибка.

На вокзале я без лишних промедлений взял билет на вечерний поезд и выпил кофе. А потом долго сидел, глядя на моргающее табло. Прошла моя первая неделя. Неделя-пустота, неделя-глупость. Сколько таких недель мне еще предстоит? Сейчас, кажется, что слишком много. Потом, вероятно, покажется – крайне мало. Но, так или иначе, пришло время пообедать.

Обедал я в ближайшем кафе. Куриный бульон, форель и бокал пива. Три маленьких островка радости в большом море разочарования. Но и они вскоре опустятся на самое дно самой глубокой впадины. И между их останками будут плавать бледные рыбы с грустными, плачущими глазами.

Я вышел из кафе и наугад двинулся по залитой солнцем улице. Не трубили больше рога, не слышался заливистый лай собак, не пахло кровью и порохом. Не будет сегодня охоты. Радуйтесь! Смейтесь! Живите!

Через полчаса я шел по набережной и бездумно смотрел на спокойную гладь воды. Бездумно! Только здесь это стало возможно. Ведь все с легкостью решат и без твоего участия. Неважно как, неважно когда. Решат! И узнаешь о решении ты одним из последних. И некуда бежать обжаловать.

Неужели мне тоже придется ждать? Как же не хочется ждать. Как же хочется ненавидеть сейчас. Сейчас и каждого! Ну, где твоя божественная ненависть? Избродилась, истрепалась?

¹ Сунь Цзы. «Искусство войны».

Где твой приговор, твоя кара для этого мира? Где твой иззубренный меч? Как же мне ненавидеть без меча?

Ненависть пуста без меча. Любого, пусть даже бумажного. Пусть даже мармеладного. Объединенного с девяти сторон. Мне не достать и его. Все мечи разобрали задолго до меня. И все они давно переломаны.

Что ж, я забуду про меч. Я гордо достану из кармана башенный щит, весь в червлени, драконах и леопардовых львах. Щит, за которым трусливо спрячется моя ненависть. Моя защита и опора, мое бессилие и бегство, мой самосотворенный отряд веселых партизан.

Я пытался быть богом. Теперь я должен сыграть человека. Сыграть так, чтобы мы оба поверили. И я, и он. Я дам социуму почти равноценную замену. И он останется ей вполне доволен. А потом я вернусь. Я обязательно вернусь в тот миг, когда в кузнице моей ненависти будет выкован новый меч.

Ну, а пока... Здравствуй, Сашка! Расскажи мне, как твои дела!

Все хорошо! Все легко и славно! Я закончил книгу и через несколько месяцев она уйдет в печать. Я стал меньше пить и делать зарядку по утрам. У меня появились новые друзья и новые цели. Я здоров и бодр, красив и элегантен. Я встречаюсь с восхитительными женщинами и читаю мудрые книги. Я даже написал пару неплохих картин. Жизнь прекрасна! Я скажу это каждому – жизнь прекрасна!

Но вот иногда, темными вечерами, мой непробиваемый щит начинает дрожать и биться. Я держу его, держу из последних сил. Я наваливаюсь на него со всей злостью, со всей волей, но даже тогда из-за края черными сполохами вырывается жуткий оскал моей бессмертной ненависти. И я говорю ей глупые, ласковые слова о том, что скоро, совсем скоро я уберу щит и отдам ей этот жалкий мир. И тогда она успокаивается, и уходит обратно, и лениво грызет щит изнутри, желая приблизить сладкий момент своей роковой свободы.

Но это мелочи! А жизнь-то прекрасна!

И ты счастлив?

Да! Да! Тысячу раз да! Я счастлив! Счастлив просыпаться и засыпать, отдыхать и трудиться, верить и мечтать. Счастье сидит у меня на плечах и весело машет ногами. И я никогда не устану его носить.

Значит, не зря я поставил щит?

Не зря. Он дал мне жизнь. Не такую плохую, как оказалось. Отличную, по сути, жизнь. И я благодарю за нее.

Но ты помнишь про меч?

Я помню. Как я могу забыть. Ведь не стихает грохот в кузнице ненависти. Каждое мгновение я слышу его. Слышу рев и плач. Чувствую безумие и вождение.

И это разбивает твоё счастье?

Это делает его еще сильнее. Я понимаю, что могу потерять его в любой момент. И я наслаждаюсь каждой секундой. Со старанием, с ревностью дурака.

Так кем ты стал? Дураком? Человеком?

Мы оба верим в это. И я, и он. Он не видит моей ненависти. Он не знает, что сидит за моим щитом. Он даже не видит щита...

Плевать на него! Кто ты? Кто ты такой? Отвечай!

– С вами все в порядке?

Я резко обернулся. На меня с тревогой смотрела немолодая женщина в бежевом платке.

– Да, все отлично, – я вынужденно улыбнулся, – задумался.

– Гоните прочь такие мысли, – она покачала головой и пошла дальше.

Она пошла, а я остался. Остался держать щит, который приведет меня в итоге... к чему? Кем я стану за этим щитом? Хватит ли у меня сил, чтобы убрать его, когда придет время?

Время меча. Хватит ли у меня сил, чтобы поднять меч? Мне не ответить на эти вопросы. По крайней мере, сегодня. Сегодня я буду учиться держать щит. Чтоб не бил по ногам при ходьбе.

Я повернулся спиной к реке, и с извращенным интересом заново начал разглядывать этот мир. Мой мир! Теперь уже мой! Моя земля, мое небо, мой ветер, мои дорогие сородичи. И эта трогательная старушка в дореволюционной шляпке, и этот худенький, усыпанный веснушками паренек, и даже вот эта пара упитанных, целеустремленных мужчин.

Все мое, родное. Хорошо еще, что я не должен вас любить. Я даже могу вас ненавидеть, но, увы, не так, как раньше. Раньше я ненавидел совсем не вас. Вас я старался просто не замечать. А теперь вы вдруг все стали вполне достойны моей ненависти. Такой непривычной человеческой ненависти. Как странно все-таки стоять за щитом. Странно, душно и тесно. Но вот ведь фокус, совершенно необходимо.

Я буду делать совершенно необходимые вещи. С совершенно невозмутимым выражением лица. Как будто так и надо. Как будто для этого я и был задуман. Не обращая внимания на яростный, глубинный вой. Не замечая раздирающей разум борьбы. Не считаясь с ценой и падением.

Значит, пусть будет так! Как же все-таки это будет? Я снова поворачиваюсь лицом к реке. Мы долго молчим. Как славно молчать и знать, что тебя не спросят. Скоро ли так будет вновь?

...В аэропорту, как всегда, шум, суета, нервное движение во все невозможные стороны. Небольшая вроде сумка постоянно цепляется за любую возможность вырвать меня из королевства хладнокровия (очень маленького королевства). Безжизненный голос парит над головами и думами пассажиров. Ненавижу аэропорты. Просто ненавижу? Да, совсем просто.

Сдаю багаж, прошу место с краю, чтобы хоть с одной стороны была спасительная пустота. До посадки остается около часа. Я со скучающим лицом прохожу досмотр, покупаю невыносимо дорогой кофе и героически отказываюсь от десерта.

Наверное, только в аэропорту невыносимо дорогой кофе может оказаться таким посредственным. Хорошо, что его так мало. Но вот и пора на выход! В автобусе, как всегда, не толкнуться. Как всегда, кто-то громко и тупо шутит. Но опять же хорошо, что так мало.

А вот и он! Волшебный трап – билет на небо! Здравствуйте! Добро пожаловать на борт! Осталось прорваться, пробиться, просочиться, и я уже возле моего узенького кресла.

Слева сидит симпатичная, но не более, девушка. Листает пухлую книгу. Что-то похожее на Ремарка. Я аккуратно сажусь рядом, стараясь не задеть ее руки. Не помогает.

– Добрый день.

– Добрый.

– Отдыхать?

– Скорее работать.

– А я отдыхать, – девушка радостно улыбается. – Третий год езжу. Никак не надоест.

– Похвальная привязанность.

Я стремительно достаю свою книгу, что-то модное, тупое, одноразовое. Как раз в самолет. Несложный намек разгадан. Девушка снова погружается в Ремарка. Я следую ее примеру, но не читаю, просто разглядываю буквы, не делая из них слова. Мне не нужны слова, только книга.

– Уважаемые пассажиры...

Я не слушаю. Повторюсь, мне не нужны слова. Мой маленький каприз в мире слов. Каприз, о котором никто никогда не узнает. Крошечная кость для изголодавшейся ненависти. Порой она ее даже замечает.

– Пристегните, пожалуйста, ремень.

Пристегиваю ремень. Самолет взлетает. Я смотрю на буквы и каждые несколько минут переворачиваю страницу. Я хочу, чтобы моя новая книга не была похожа на эту. На набор лишенных фантазии букв. Я напишу ее о том, кем я стал. О человеке. Таким похожем на каждого, но все же совсем другом.

Не проще ли было написать еще раз о любви? Или о жутком, холодящем кровь преступлении, или о дружбе и вражде? Конечно, проще! Но пусть это станет еще одной костью. Пусть она на миг поможет забыть о том, что такое голод.

– Что вы читаете?

Не выдержала. Не смогла мирно помолчать пару часов. Обязательно надо поделиться своей юной, мельтешащей перед глазами радостью с задумчивым мужчиной справа. До мужика слева не докричишься, он уже минут двадцать как спит. И пахнет от него безмятежностью и коньяком. И зачем я пил кофе?

– Что-то не то, – надеюсь, она уловит двусмысленность ответа.

– Ая...

– Вижу, «Триумфальная арка».

– Вы читали?

– Да, читал.

– Только не рассказывайте, чем закончиться.

– Как всегда, последней страницей.

– Ну ладно, приятного чтения.

– Взаимно.

Приятных букв, волшебных букв. Это ты хотела сказать, надоедливая девочка? Но нет, ничто не сделает эти буквы волшебными. Даже твоя беззаботная радость. Что она против моей вселенской печали? Высушенная капля в иссохшем океане. Но неужели мы уже снижаемся?

Самолет мягко приземляется в аэропорту южного города. Трап, багаж, такси, гостиница. Я вхожу в просторный номер, кидаю сумку, сажусь на кровать. Я устал. Я хочу есть, пить, спать. Я слаб и жалок в этот миг. Только ли в этот? Тихо! Не стоит даже думать об этом! Просто немного полежи, а потом сходи в ресторан. Выпей, поешь, выкури сигару. Подумай о книге. Подумай о женщинах. Здесь много женщин. Одна из них может стать твоей. Давай! Давай, Саша!

Я горько смеюсь и спускаюсь в ресторан. Виски и пиво, стейк и креветки. Женщин пока не видно. Хорошо. Не все сразу. Значит, к книге. К книге о человеке. О человеке писать тяжело. Человек довольно скупен в своем повседневном состоянии, и выжать из него нечто увлекательное удастся исключительно путем конфликта.

А если без конфликта? Нет, без конфликта не стоит и пытаться. Он будет ходить на работу, в магазин, в гости. Будет читать Достоевского, слушать Верди и ругать исполнительную власть. Будет тихо любить, тихо мечтать и с тихой грустью смотреть в свинцовые глаза ноября. Меня это категорически не устраивало. Читать такое стану только я сам и только в отсутствии других развлечений.

Итак, конфликт! С кем? Или с чем? Да с кем или с чем угодно! Невероятное разнообразие вариантов. Зацепил не того мужчину влюбился не в ту женщину сел не в тот кабриолет. И понеслась, полетела, поскакала безумным аллюром такая привычная, спокойная жизнь.

Рад ли он? Ну что вы, какая радость? А вот читатель рад. Крути, верти его на буйных волнах жизни. Бей, не жалея! Горячей, сильнее! Только бы не видеть этих скучных, однообразных дней. Не смотреться в ничуть не кривое зеркало. Не ходить второй раз на работу.

Но этот конфликт не устроит уже меня. Мне не нужен попавший в засаду шторма корвет. Мне нужен батискаф, который спокойно и незаметно уйдет на глубину, пугать большеглазых рыб и ломать вековые кораллы. Его конфликт тих, сложен и не всем понятен. Его конфликт – он сам.

И он ненавидит себя? Не часто ли звучит в твоей голове этот вопрос, Александр? Не часто ли ты тревожно оглядываешься внутрь себя и слушаешь, как бродит, ходит, шипит в глубине твоя темная спутница? Нет, не часто. Могло бы быть гораздо чаще. Чаще, дольше и злее. А так, все в пределах допустимого.

Обед окончен. Сигару? Пожалуй. Но вернемся в до-сигарную эру. Моему герою не слишком нравится его социальная роль. Не ненавистна, просто хотелось бы чуть иначе. Не лучше, в примитивном социальном понимании, а именно иначе. Ему бы не хотелось зависеть от вездесущих плетей социума.

Но как тут избавишься от плетей, когда у тебя жена, дети и годовой отчет через неделю. Не избавишься, не увернешься. Остается терпеть и представлять, что это не плети, а мех горностая. Но как же представишь, если горностая ты видел только на картинках?

Но ведь ты любишь свою очаровательную жену, своих чудесных детей. И работа тебе вполне нравится. Вот и оставляешь ты эти мысли на потом. На после годового отчета, после восьмого марта, после очередного дня рождения. После долгих дней, в которые ну никак невозможно отвлечься.

И ты даже не то, чтобы боишься, просто до конца не понимаешь, как отказаться от всего этого. И главное – зачем? Ведь ты очень хорошо осознаешь, что лучше-то не будет. Будет по-другому. Но как же жить с этим другим. Как жить со слезами жены, печальными взглядами детей, потерянным отчетом. Кем ты станешь, после всего этого? Ты уже не хочешь? Хочешь оставить все, как есть. Не ты первый.

Густой пепел упал мимо пепельницы на стол.

Надо сходить к морю. Посмотреть на волны, подышать бризом. Я вышел из ресторана и неторопливо зашагал по петляющей улице. Хорошо на улице. Солнце смеется беззвучным, лукавым смехом. Зелень, цветы со всех сторон. Восторженно смотрят на тебя, радуются тебе. Искренне, бескорыстно, лишь бы порадоваться. И сам ты вдруг начинаешь радоваться в ответ. Солнцу, зелени, цветам. Легкости шага, глупым, беспечным мыслям.

А навстречу тебе люди. Улыбаются, хмурятся, глядят с интересом или равнодушием, молчат и говорят между собой. И каждый спешит или не торопится по своей очень важной, а может, легкомысленной дороге. И бывает – столкнутся они да тут же разойдутся по разным переулкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.